

история / география / этнография

Василий Веретенников

История Тайной канцелярии Петровского времени

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

История. География. Этнография

Василий Веретенников

**История Тайной канцелярии
Петровского времени**

Издательство «Ломоносовъ»

2014

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

Веретенников В. И.

История Тайной канцелярии Петровского времени /
В. И. Веретенников — Издательство «Ломоносовъ»,
2014 — (История. География. Этнография)

Книга Василия Веретенникова, впервые вышедшая в 1910 году, — основополагающее исследование по истории Тайной канцелярии Петра I. Автор с привлечением богатейшего архивного материала рассказывает о том, что предшествовало Тайной канцелярии и как она возникла, чем она занималась и каково было ее внутреннее устройство, кто ею руководил, как принимались решения, откуда появлялись рядовые исполнители, какое участие во всем этом принимал царь и почему упраздненная, по сути, еще при жизни Петра Тайная канцелярия тем не менее вскоре возродилась и сыграла важнейшую роль в становлении государственного строя Российской империи. Эта книга проливает свет не только на деятельность конкретного учреждения, которое занималось сыском, и прежде всего сыском политическим, — она позволяет глубже понять многие события русской истории не только восемнадцатого, но и последующих веков. Василий Иванович Веретенников (1880—1942) — архивист, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории России XVIII века.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

© Веретенников В. И., 2014

© Издательство
«Ломоносовъ», 2014

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Василий Веретенников История Тайной канцелярии Петровского времени

Предисловие

Восемнадцатый век – один из наиболее интересных и полных содержания моментов в истории России. В этот век совершился тот перелом в строе государственном (и, конечно, не только в государственном), который поставил в итоге на иной путь все дальнейшее движение русского исторического процесса. Однако до последнего времени¹ история XVIII столетия оставалась почти не разработанной даже в отдельных ее частях; и только в последние пят-

¹ Первое издание книги В. И. Веретенникова «История Тайной канцелярии Петровского времени» вышло в 1910 году.

надцать – двадцать лет произведено было несколько крупных исследований. Обилие материала, недостаточная его выясненность и разработанность, трудность доступа ко многим очень важным частям его – вот некоторые главнейшие причины, тормозившие у нас изучение истории.

Очередной задачей в изучении XVIII века (говорю, конечно, о задаче, доступной силам отдельного исследователя) является точное изучение частных, отдельных моментов этой истории. Стремясь по мере скромных сил своих ответить этой задаче, я и принялся за предлагаемое исследование. Тема его ограничена; она обнимает только частный эпизод петровского царствования, но я постарался приложить все усилия, чтобы построить свое исследование на возможно тщательном изучении архивного материала.

Не могу отказать себе в глубокой потребности выразить мою сердечную благодарность Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому², моему учителю, предварительной школе которого я обязан тем положительным в научном смысле, что найдется в предлагаемой работе.

В заключение позволю себе выразить мою искреннюю признательность Сергею Михайловичу Горяинову³ за его доброе, бывшее для меня столь ценным, отношение к моей работе; а также Андрею Андреевичу Привалову – за его участливое внимание и помощь в моих архивных изысканиях.

Приношу свою благодарность Эрнесту Львовичу Радлову⁴ и Николаю Дмитриевичу Чечулину⁵, радушно приютившим часть этого моего исследования на страницах «Журнала Министерства народного просвещения».

Не могу тут же не засвидетельствовать своего глубокого уважения к памяти безвременно скончавшегося Николая Павловича Павлова-Сильванского за ту поддержку и доброжелательное отношение, которое я у него неизменно встречал во время своей работы.

² Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863 – 1919) – историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, ординарный академик Санкт-Петербургской академии наук (1905).

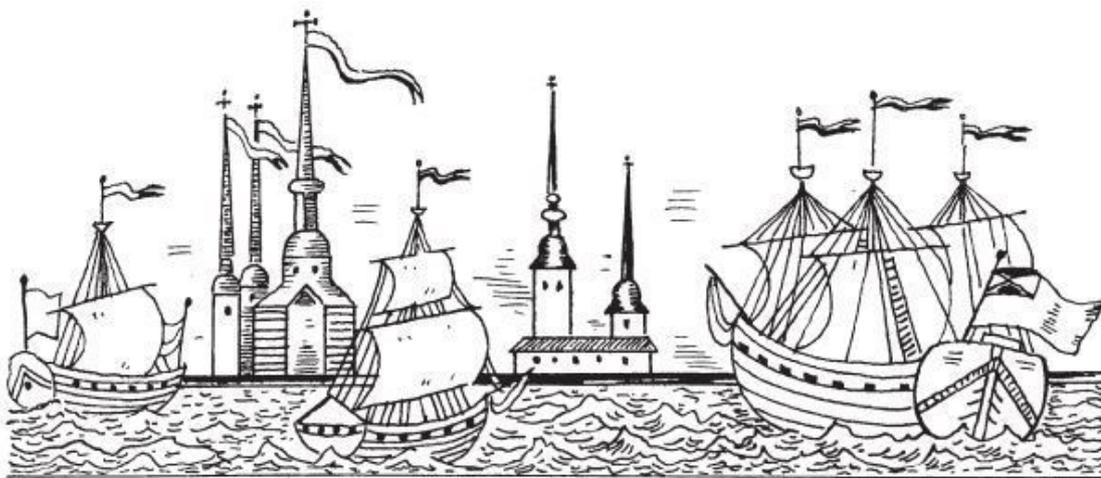
³ Сергей Михайлович Горяинов (1844 – 1918) – историк, автор работ по истории дипломатии.

⁴ Эрнест Леопольдович Радлов (1854 – 1928) – историк философии, филолог и переводчик. Редактор «Журнала Министерства народного просвещения» с 1899 года.

⁵ Николай Дмитриевич Чечулин (1863 – 1927) – историк, археограф, коллекционер. Член-корреспондент Российской академии наук (1921). В 1894 – 1899 годах сотрудник редакции «Журнала Министерства народного просвещения».

Глава первая К истории «слова и дела» до учреждения Тайной канцелярии

I

Выражения «слово и дело», «государево слово», «государево слово и дело», «государево дело» становятся известными, получая определенное значение в правительственной практике на Московской Руси, уже в начале XVII века. До этого времени, если не ошибаемся, указаний на эти выражения не существует, а законодательные памятники до XVII столетия совершенно не знают ничего даже близкого по значению к этим выражениям и с ними связанным процессом. Не входит в нашу задачу углубляться в вопрос о происхождении и постепенном формировании этих выражений. Мы позволим себе начать с того момента, когда выражения эти вошли в нормальный обиход правительственной практики, то есть с начала XVII века, от какого времени до нас дошли первые дела по «слову и делу». Отнюдь не имея в виду обозреть даже главнейший к этому относящийся материал (архивный и печатный), мы стремились в этой главе на основании некоторых данных сделать те выводы, которые бы помогли нам в дальнейшем точнее и правильнее осветить происхождение Тайной канцелярии Петровского времени.

Имея в виду исключительно такую цель, остановимся сначала на некоторых материалах из наиболее ранней нам известной правительственной практики по «слову и делу».

В 1621 (7130⁶) году лебедянский воевода Михнев в грамоте на имя царя Михаила Федоровича пишет, что «пришед в город в съезжую избу, голова стрелецкий казачий Еремей Толпыгин извещал, Государь, мне холопу твоему» на одного казака, что тот при наказании его батогами кричал: «пощади де... (тут место в подлиннике испорченное) для нашего государя царя Дмитрия!» По этому извету воевода немедленно приказал привести казака в съезжую избу и спросил его «очи на очи» об его таких словах, но казак «в такове слове заперся». Поса-

⁶ Год по византийскому календарю, который вел начало летосчисления от «сотворения мира», «происшедшего» в 5509 году до н. э.

див все#таки обвиняемого в тюрьму, воевода кончает грамоту просьбою указать, что ему делать далее. В ответ на это следует указ, которым повелевается воеводе допросить казака еще раз, собрать показания свидетелей и даже привести обвиняемого к пытке в застенки, но не пытать и все следствие прислать в Москву. Дальнейшее делопроизводство по этому делу не сохранилось. Тут, однако, мы имеем дело с изветом, форма которого, к сожалению, остается для нас неясной, но вот уже прямое точное указание и на самую форму. В 1622 (7131) году воевода города Переяславля пишет в отписке на имя царя, что «сказывал мне, холопу твоему, в съезжей избе... сын боярской... Малыгин твое государево дело на поместного казака», что «говорил он» «на беседе» «неподобное слово»; воевода «с приставом» при этой грамоте посылает в Москву и обвинителя, и обвиняемого. По получении в Москве этой отписки и колодников при ней, в Разряде⁷ думные дьяки подробно допрашивают присланных. По словам доносителя, во время ссоры на одном пиру казак сказал: «Я-де царю горло перережу!» Обвиняемый на допросе не признавался, утверждая, что он не такие слова говорил. Расспросные речи обвиняемого и обвинителя были тщательно записаны; дальнейшего делопроизводства в столбцах не имеется.

В 1625 (7134) году ростовец некто Богданов бьет челом царю, что его ростовский воевода держит в тюрьме по оговору в «государеве деле». По этой челобитной в Разряде был сделан экстракт о деле Богданова, из которого видно, что ростовский откупщик Данилов «извещал» воеводу «в съезжей избе», что Богданов говорил «про государя непригожие речи»; вследствие такого доноса воевода допросил свидетелей «с очи на очи», которые и подтвердили обвинение. Тогда воевода обо всем доносит «до государева указа» в Москву, препровождая туда и все расспросные речи. В ответ на это из Москвы последовал указ: виновного, «выняв из тюрьмы», «бить по торгам кнутъем нещадно, чтобы на то смотря, иным не повадно было вперед так воровать; а, бив кнутъем, велено его посадить в тюрьму до государеву указа». Воевода, все исполнив, донес об этом в Москву.

В 1627 (7136) году черный поп Мартирий сказал за собой «государево дело», и монастырскими властями был отослан в Казань к воеводе, где в съезжей избе письменно изложил это «государево дело», то есть донес на некоего стрельца Осипка, который при многих свидетелях говорил, «что де государь... Михаил Федорович... упробил бояр сроку на семь недель огосударствовать, а выходил де государь того упробивать у бояр на лобное место...» и «что де патриарх государю не отец». Этот извет был немедленно доведен до сведения Москвы, откуда последовало по царской грамоте повеление – всех свидетелей и обвиняемого прислать в Москву, что и было исполнено. В Москве перед боярином кн. Ив. Бор. Черкасским⁸ и думным дьяком Ф. Лихачевым⁹ были допрашиваемы все присланные воеводой по этому делу; конца этого дела не сохранилось.

В 1630 (7139) году возникло дело по обвинению кн. Дм. Пожарского¹⁰, псковского воеводы, и его товарища кн. Гагарина во многих преступлениях по службе, причем было предъявлено два обвинения в виде вопросов: «В 138 году Святогорского монастыря черный дьякон Святогорского ж монастыря на келаря в съезжей избе государево дело извещал и какое государево дело извещал?» Видимо, вина состояла в том, что воевода скрыл этот факт и не

⁷ Разрядный приказ – государственное учреждение (орган военного управления) в Русском царстве в XVI – XVII веках, ведавшее служилыми людьми, военным управлением, а также южными и восточными пограничными городами.

⁸ Иван Борисович Черкасский (ок. 1580 – 1642) – государственный деятель, «ведаль» Стрелецкий приказ и связанные с ним приказы Иноземский, Рейтарский и Аптекарский, Казенного двора и Большой казны с 1624 года до самой смерти (с перерывом в 1638 году), то есть, по сути, был главой правительства при царе Михаиле Федоровиче.

⁹ Федор Федорович Лихачев (ум. 1653) – государственный деятель, думный дьяк (с 1622 года) и думный дворянин (с 1644 года).

¹⁰ Дмитрий Петрович Пожарский, по прозвищу Лопата (ум. 1641) – военный и государственный деятель, князь. Дело, о котором пишет автор, судя по всему, закончилось для Д. П. Пожарского благополучно, так как он остался в числе «ближних» царевых дворян.

донес об этом обычным порядком, что и вызывало у следователей стремление узнать, какое это было «государево дело». Второе обвинение, предъявленное Пожарскому, формулировалось так: «и князь Дмитриев человек Пожарского во Пскове в съезжей избе кричал ли, и государево слово за собою сказывал ли, и князь Данило Гагарин, вышед из комнаты, того ж княж Дмитриева человека по щекам бил ли, и ко князю Дмитрию на двор его отсылал ли?» Таким образом, Пожарский и Гагарин обвинялись еще в том, что когда человек Пожарского сказал за собой «государево дело», то он и Гагарин старались это замять вместо того, чтобы дать делу надлежащий ход; при «обыске» так и не выясняется, что это были за «дело государево» и «слово государево».

В 1636 (7145) году воевода Судаков извещает царя из Белгорода, что когда он проезжал мимо тюрьмы, то тюремный сиделец Трошка сказал «твое государево великое слово», но какое именно, не сказал: «скажет де он на Москве». На эту воеводскую отписку последовал из Разряда указ, где написано между прочим: «...ты б тюремного сидельца Трошку... взял... к себе в съезжую избу и спросил, какое за ним наше дело, и он бы то написал своею рукою; а будет он грамоте не умеет, и ты б тому нашему делу взял у него письмо за рукою отца его духовного; а будет у него отца духовного нет, и ты б его расспросил на один, какое за ним наше дело, а что бы он Трошка про наше дело тебе скажет, и ты б то наше дело велел записать подъячему доброму; а будет Трошка про наше дело не скажет, и ты б его велел пытаться, какое за ним наше дело; а что Трошка... про наше дело тебе скажет, и ты б о том к нам отписал, и расспросные, и пыточные речи прислал, а его Трошку велел бы держать в тюрьме».

Прежде всего следует заметить, что в приведенных примерах все дела по «слову и делу» в царствование Михаила Федоровича сосредоточивались в Разряде как высшей инстанции, имея своим началом «изветы» частных лиц воеводам в съезжих избах. Это дает право считать, что Разряд находился в числе учреждений, ведавших преступления «слова и дела», причем в большинстве случаев он являлся высшей инстанцией, ставящей по указам приговоры; следование же и «розыск» редко входили в сферу его деятельности. Нетрудно по изложенным примерам проследить обычный делопроизводственный порядок дел «слова и дела», когда они попадали в Разряд.

Всякое дело начинается исключительно изветом со стороны какого-либо частного лица о знании им «слова или дела государева»; извет этот делался воеводе в приказной избе; воевода обычно снимал допрос с обвинителя, обвиняемого и свидетелей и, подвергнув, кого считал необходимым, тюремному заключению, обо всем подробно доносил в Разряд, адресуя отписку на государево имя, и просил «указа». В ответ обычно из Разряда требовали дополнительных допросных, а иногда и пыточных (то есть повелевалось воеводе обвиняемых пытаться) речей, на основании которых обычно Разряд выносил приговор; впрочем, иногда первые допросные речи и колодники с ними отсылались воеводой в Разряд, где и производился окончательный «розыск», выносился и приводился в исполнение приговор; но этот порядок, видимо, встречался реже.

Ныне столбцы Разряда, хранящиеся в Московском архиве юстиции, дают даже в описаниях достаточно определенную картину деятельности Разряда. Воинское дело, безусловно, составляло один из главнейших отделов ведения Разряда, но не менее существенным отделом были воеводы и все воеводское правление, которое обнимало собой в сильной степени то, что ныне относят к сфере внутреннего управления. В том числе и вся полиция, в самом широком смысле этого слова, была в руках воевод и Разряда как высшей инстанции; в силу этого, видимо, воеводы и с ними Разряд ведали дела по «слову и делу»; то есть Разряд ведал эти дела постольку, поскольку он ведал вообще полицию.

Являлся ли Разряд во время Михаила Федоровича исключительным учреждением, где только и разбирались дела «слова и дела?» Нам не удалось найти прямых данных для ответа на этот вопрос, но, кажется, в результате рассмотрения некоторых дел, относящихся к пер-

вым годам царствования Алексея Михайловича, можно с большой вероятностью ответить отрицательно.

Очевидно, что выражение «государево слово и дело» в его позднейшем значении было известно в обычной практике уже в начале двадцатых годов XVII столетия; а это заставляет сделать предположение, что образование такого выражения и всего с ним связанного должно было иметь место еще ранее, еще, возможно, при Рюриковой династии; во всяком случае, можно утверждать, что с самого начала XVII века «слово и дело» являлось уже известным в административной практике выражением.

Таким образом, в начале XVII века уже были известны преступления, связанные с оскорблением верховной власти и стремлением к ее умалению; эти преступления раскрывались путем доносов, бывших как бы обязательными; причем эти доносы носили специальное название изветов по государевому делу или слову; такое название, быть может, обозначало отношение доноса непосредственно к особе царя. Следствие велось обычно воеводами, которые немедленно доносили обо всем ими найденном в Москву, где дела эти ведались в Разряде, а вероятно, и в других приказах, так как никакого особого учреждения для их ведения, видимо, не существовало. Позволим себе остановиться еще немного на двух характерных деталях процессов по слову и делу в первой половине XVII века, то есть в царствование Михаила Федоровича.

В делах самых ранних (см. дело 1625 года) встречаются краткие указания, что воеводы допрашивали виновных «очи на очи», или «на один»; эти беглые замечания определенно указывают, что уже в то время в правительственной практике существовало желание вести подобного рода дела скрытно, окружать их особой тайной; ответить на вопрос, чем вызывалось такое стремление, к сожалению, мы не можем за неимением данных, но можно даже думать, что так шло и через весь XVII век. Вместе с этим можно отметить, что самый процесс дел по «слову и делу» в начале XVII столетия не являлся в основных своих чертах совершенно установленным; это можно заключить косвенно из приведенной нами выше в отрывках грамоты по делу 1636 года; в этой грамоте воеводе излагается порядок, в котором он должен вести дело; значит, считали нужным излагать его подробно для отдельного случая.

С 1645 года начинается царствование Алексея Михайловича. До Уложения¹¹, в самом начале этого царствования, никаких изменений в понимании и способах преследования преступлений по «слову и делу», сравнительно с предыдущим временем, не происходит. В 1644 (7153) году тюремный сиделец в Кашине Тимошка Антипин «сказал за собой государево дело» воеводе Лазареву, который и послал этого Тимошку «к Москве в Разряд»; а слышал этот Тимошка, как сидевший с ним в тюрьме некий Хрисанко «сказал за собой государево слово». Воевода пишет, что этот Хрисанко сумасшедший, «простоумный», и сказал за собою «слово» просто «во отступленьи ума своего». В Разряде перед боярами Ив. Вас. Морозовым, Мих. Мих. Салтыковым¹² и кн. Пет. Фед. Волконским¹³ этот Тимошка ответил, что «скажет он то государево дело государю самому», когда царь вернется из похода. Однако бояре требовали, угрожая пыткой, чтобы Тимошка все рассказал им; тогда Тимошка заявил, что в Кашинской тюрьме Хрисанко ему говорил, «что за ним... есть государево великое дело, а какое... того ему Тимошке... не сказал»; тут же был назван и ряд свидетелей. Бояре все допытывались «с пристрастием», что за «государево дело» говорил за собою Хрисанко, однако Тимошка ничего не мог сказать, так как сам не знал. Тогда в Кашин был послан при-

¹¹ Соборное уложение 1649 года, Уложение Алексея Михайловича – свод законов Русского государства, регулирующих различные области жизни.

¹² Михаил Михайлович Салтыков (ум. 1671) – государственный деятель, двоюродный брат царя Михаила Федоровича, окольный (1635), боярин (1641), воевода.

¹³ Петр Федорович Волконский (? – 1649) – государственный и военный деятель, князь, стольник, воевода, окольный и боярин.

став Разряда для взятия Хрисанки с одним свидетелем и привоза их в Москву, в Разряд. По доставлении Хрисанки в Разряд, бояре его расспрашивали, какое за ним есть государево слово; Хрисанко отвечал, что болен он падучею болезнью и поэтому бывает «во исступлении ума своего» – почему его и держали в тюрьме – и никакого слова государева за ним нет. Ему сделали очную ставку с обвинителем, который продолжал давать старое показание; Хрисанко, не отвергая возможности совершения преступления, говорил только, «он того не упомнит, потому что он болен падучею болезнью». Свидетель Артюшко подтвердил, с одной стороны, показания обвинителя, что Хрисанко действительно говорил за собою государево слово («а какое... того не говорил»), но в то же время констатировал его болезненное тогдашнее состояние, однако с оговоркою, что «в целом ли уме или во исступлении ума» сказал Хрисанко за собой слово, «того он Артюшка не ведает». Обвиняемый же стоял на том, что был болен и ничего не упомнит. Дело кончилось тем, что «по государеву указу» Хрисанке «учинено наказанье в Разряде: бить батоги».

В октябре 1645 года ввечеру в Приказ Большого дворца, где сидели трое подьячих: Мотякин, Иван Прохоров да Иван Терапов – «пришел к столу старец колодник» и начал говорить непристойные слова, что, мол#де, царь Алексей Михайлович – не «прямой царевич», а рожден от сенной девушки. Услышав такие слова, Мотякин, бывший дневальным, хотел сейчас же о них известить приказного дьяка, но было уже темно, и он идти побоялся, а на следующий день «такие слова побежал известить в село Коломенское государю» и подал обо всем этом челобитную, вследствие которой «указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси про то расспросити и подлинно сыскать своим государевым боярам Борису Ивановичу Морозову¹⁴, да князю Алексею Михайловичу Львову¹⁵, да думному дьяку Григорию Львову. И того ж дни бояре про то расспрашивали и сыскивали». По показанию одного из присутствовавших подьячих чернец «говорил: прямово корени был царевич князь Иван Михайлович а князь Алексей Михайлович непрямою, подменной, “знаем де мы такие подмены”!» На вопрос бояр, откуда это слышал обвиняемый, этот последний, не запираясь, говорил, что все это «явлено» ему от Андрея Критского¹⁶, а также это слышал он от жены своей и баб своего села Олексина. Бояр, видимо, очень интересовал вопрос, откуда чернец такие «затейные воровские речи» взял, и они пугали его тем, что «быть ему пытану и огнем жenu». Конца этого дела мы не имеем; вероятно, он утрачен.

В 1646 году (7155) чернец Кириллова монастыря Никодим сделал извет на неких монахов, что они говорили про великого государя и про бояр «многие непристойные речи»; к сожалению, не видно, что это были за речи. «И те чернцы... в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред боярином... пред Григорием Гавриловичем Пушкиным, да пред дьяком... Ларионовым винулись... и довелись было смертные казни», но «для иноческого образа» помилованы и отосланы были в монастырь на смирение. Все это мы узнаем из грамоты царской в Кириллов монастырь от 23 января 7155 года.

В 1647 году «июля в 11 день на государеве стану в селе Коломенском в Приказе большого дворца боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову да дьяку Давыду Дерябину села Коломенского приказный человек Иван Алешнев извещал, что в селе Коломенском живет» крестьянин Данилов, который ведет сношения с разными таинственными людьми, которые «по него приезжают». Этого Данилова сыскали и расспрашивали, «в распросе перед боярином... кн. Львовым да перед дьяком... Дерябиным винулся, а сказал»,

¹⁴ Борис Иванович Морозов (1590 – 1661) – боярин, воспитатель царя Алексея Михайловича, один из крупнейших землевладельцев своего времени.

¹⁵ Алексей Михайлович Львов (1580#е – 1653) – государственный деятель и дипломат, князь. В 1627 – 1647 годах возглавлял Приказ Большого дворца.

¹⁶ Андрей Критский, или Андрей Иерусалимский (ок. 660 – 740) – известный христианский теолог и проповедник; канонизирован Православной церковью.

что он с женой ведовством, шептанием и чародейством лечили людей и выгоняли из скота дьявола; были Данилов с женой расспрошены «в Приказе сыскных дел перед князем Алекс. Никит. Трубецким¹⁷ да... Пушкиным¹⁸ да перед думным дьяком»; в деле был очень замешан Семен Стрешнев¹⁹, на которого указывали, как на покровителя всех этих волшебств. В результате Стрешнев обвинен в том, что «государева здоровья не остерегал и государю про таких злых ведунов не известил и сам с ними знался многие годы».

В 1648 году воевода Ив. Квашнин извещает Разряд (по Новгородскому столу) о доносе, что сказывал за собой «твое государево слово» тюремный сиделец Оська Харитонов; и воевода велел этого Оську поставить перед собой, и спрашивал у него, что это за слово; но Оська отвечать отказался, заявив, что «скажет де он то твое государево слово на Москве, кому ты, государь, укажешь». Донося обо всем этом, воевода просит указа, как ему поступать далее; дальнейшего производства этого дела в столбцах не имеется.

Подводя итог всем вышеизложенным данным за время первых лет царствования Алексея Михайловича, нетрудно видеть, что все оставалось совершенно в таком же положении, в каком оно сформировалось в предыдущее царствование. Необходимо только дополнить, что выясняется с достаточным вероятием отсутствие в первой половине XVII века каких-либо или какого-либо одного особого, исключительного или специального учреждения, ведавшего дела по «слову и делу»; несомненно, дела такого рода попадали в разные московские приказы, где и вершились. По недостатку материала трудно только понять, почему однородные дела попадали в разные учреждения; возможно, что тут действовал принцип ведения по месту и человеку, а не по роду дела. Надо также отметить, что все приказы как будто ведали дела по «слову и делу» с одинаковой и полной компетенцией; по крайней мере, мы можем это сказать о Разряде, Приказе сыскных дел и Приказе Большого дворца – учреждениях крайне разнородных по предметам своего прямого ведения.

II

Выражения «слово и дело» и ему подобные мы не встречаем в Уложении царя Алексея Михайловича, но встречающийся во второй главе Уложения термин «извет» есть не что иное, как общее обозначение понятий, заключающихся в выражениях «слово и дело», «государево слово», «государево дело», «государево слово и дело». На это указывает, как увидим далее, практика в применении этой главы, носящей заглавие: «О государской чести и как его государское здоровье оберегать». В первой ее статье говорится об «умышлении» на «государское здоровье» «злого дела», то есть о покушении на жизнь и здоровье государя; во второй статье речь идет об умышлении «государством завладеть и государем быть» и в конце говорится о государственной измене, которой дальше посвящены статьи с 3-й по 11-ю включительно; далее до конца идут статьи процессуального характера.

Таким образом, вторая глава рассматривает следующие роды преступлений: 1) государственную измену (ст. 3 – 11); 2) покушение на жизнь и здоровье государя (ст. 1); 3) покушение на власть «державы царского величества», каковое покушение понимается сообразно времени в прямом смысле, как желание «Московским государством завладеть и государем быть» (ст. 2); кроме того, сюда же вводится: 4) преступление «приходить, грабить и поби-

¹⁷ Алексей Никитич Трубецкой (ок. 1600 – 1680) – государственный и военный деятель, дипломат, ближний боярин. Крестный отец царевича Петра, будущего царя Петра I. В конце жизни принял монашеский постриг.

¹⁸ Борис Иванович Пушкин (ок. 1590 – 1659) – дипломат, государственный деятель. В 1646 – 1648 годах глава Разбойного приказа.

¹⁹ Степан (Семен) Лукьянович Стрешнев (ум. 1666) – государственный и военный деятель, боярин. Дядя царя Алексея Михайловича. Обвинение в волшебстве стоило ему четырехлетней опалы. После прощения в 1651 году вновь вошел в ближний круг царя.

вать» «самовольством скопом и заговором» «к Царскому Величеству и на Его Государевых бояр и окольных, и на Думных и на ближних людей, и в городах, и в полках на воевод и на приказных людей (ст. 21)».

Статьями 19 и 21-й устанавливается обязанность каждого «извещать» власти об всяком «ведомом» злом умысле, заговоре и прочем: за неисполнение этого требования грозит смертная казнь «без всякой пощады». Этот «извет» должен быть произведен «государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси или его Государевым боярам и ближним людям, или в городах воеводам и приказным людям» (18-я ст.). Если того, на кого «извещают», налицо не оказывается, то его разыскивают, потом делают ответчику и доносителю очную ставку, и должны притом «сыскивати всякими сыски накрепко, и по сыску указ учинити» (ст. 16-я). Таким образом, всякое дело против преступлений такого рода должно начинаться по извету – доносу; других путей не оговорено. Этот «извет» является обязанностью каждого – за неисполнение этой обязанности грозила смертная казнь без пощады. В какие бы руки донос ни попал, закон обязывает отыскать немедленно ответчика, сделать очную ставку и произвести самое тщательное следствие; при этом, конечно, должны были применяться обычные приемы (пытки и проч.), так как не оговаривается характер «сыска», а только квалифицируется его степень: «накрепко». По окончании следствия, после получения известных результатов, сообразно им и нормам Уложения должно быть постановлено решение, «учинен указ».

Из всего этого ясно видно, что вторая глава Уложения является только фиксированием, довольно точным, в законодательном порядке того, что в практике, как мы видели, установилось довольно прочно гораздо ранее. Уложение ничего нового не внесло в формы производства дел по изветам о «слове и деле государевом» и только в самых общих чертах закрепило уже ранее существовавший в практике порядок.

Обратимся же теперь к вопросу, как фиксированные Уложением нормы действовали на деле и не внесла ли в них дальнейшая практика чего-либо нового.

В 1650 (7159) году от царя и великого князя псковскому воеводе Львову была послана грамота, в которой говорилось: «...писали к нам... ты воевода... да дьяк... что... Гришка Трясисоломин говорил про царицу нашу и великую княгиню Марию Ильиничну непристойные речи и с пыток в том винулся»; «и вы б того вора Гришку Трясисоломина за его воровские непристойные речи велели казнить: вырезать ему язык; и сослали его в Великий Новгород, с женою и с детьми»; и как это будет исполнено, «вы б о том к нам отписали, а отписку велели отдати в Посольском приказе дьякам нашим думным Михаилу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Андрею Немирову» Из этой грамоты, во-первых, ясно, что на местах ведали дела по «слову и делу», пытали и допрашивали, словом, вели все следствие обычные воеводы, но о результатах сообщали в Москву, и окончательное решение, приговор, – шел уже из Москвы от царя; причем, видимо, данное дело велось в Москве через Посольский приказ.

В 1650 (7159) году костромского воеводу в приказной избе «извещал» костромитин Мишка Огарев на костромитина Калинина, что он неприлично бранил государя. Воевода «ставит перед собой» обвиняемого, ведет допрос, вызывает свидетелей; все расспросные речи, записанные, были по окончании следствия воеводою отосланы в Разряд.

В 1655 (7164) году в Разряде, в Новгородском столе получили от воеводы отписку, что в съезжей избе его словесно извещал казак на одного крестьянина, который будто кричал у кабака: «Ты-де государев слуга, а я де государев друг». Воевода допросил обвиняемого (который передавал иначе свои слова) и просит указа, что ему далее делать.

В Новгороде в 1662 году некто Рогозинский, по донесению воеводы Репнина, сказал «наши царственные дела», как выражается царская грамота Репнину о присылке этого Рогозинского для следствия в Приказ наших тайных дел. В мае 1668 году в Пскове к воеводе

были присланы монастырский старец Пахомий и псковский пушкарь Уляшко Гаврилов с обвинением их в том, что они говорили «непристойные» речи: «великого государя... и святейшего патриарха Иосафа называли ворами» и будто «веруют они во антихриста». Воевода обычным порядком повел следствие, и его результаты (в виде расспросных речей обвиняемых и свидетелей и очных ставок) отправил в Москву. Царь, выслушав эту отписку, приказал прислать обвиняемых в Москву, в Посольский приказ; «если же в этом будут упорствовать, то велеть того чернца и пушкаря сжечь». Старец Пахомий отказался приносить покаяние, и его сожгли; причем переписка об этом вся шла через Посольский приказ. Пушкарь же Гаврилов покаялся, причастился Святых Тайн и был отправлен в Спасский монастырь; переписка об этом тоже велась Посольским приказом. Через некоторое время этот пушкарь ушел из монастыря, очутился в Новгороде; его поймали и доставили в Москву в Посольский приказ. На этом материалы дела кончаются.

В 1670 году было найдено в Москве, вероятно, какое-то подметное письмо; содержание его остается для нас неизвестным; начало дела частью утеряно, частью попорчено. Кузнец Васька, служка Иванов и человек Арт. Матвеева²⁰ Кирюшка говорили, что девка Матвеева «имана на верх, но ей царицею не бывать». «И великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович... указал боярам кузнеца Ваську и служку Ваську ж и Артамонова человека Матвеева Кирюшку... расспрашивать у пытки; а буде из них кого доведется, и пытать; и по указу великого государя бояре расспрашивали их у пытки; а Кирюшка пытан, а было ему 30 ударов». Кирюшка признался, что писал сам, без соучастников, это воровское письмо «для того: хотел от Артамона отбыть от холопства». «Бояре после того Кирюшку расспрашивали, для чего он запирается, и Кирюшка перед бояре винился»; «а после того он же Кирюшка перед великим государем и перед бояре в том запирался», «и для подлинного сыску расспрашиван перед великим государем и при боярах кузнец Васька»; его пытали, – «в том он сожжен на огне», – и говорил он «прежние свои речи». В конце этого дела говорится, что царь всех «пожаловал свободить».

Это дело, при всей беспорядочности и туманности его содержания, заслуживает некоторого внимания. Подметное письма затрагивало такую интимную вещь, как избрание царем невесты. Может быть, именно в силу такой близости к особе царя и возник особый ход всего дела: царь указал вести «розыск» не учреждению, а «боярам»; бояре допрашивали и пытали; наконец, мы видим – это самое главное, – что часть дела «следует» в присутствии самого царя: при нем допрашивают одного обвиняемого и при нем же пытаются другого «для подлинного сыску». Конечно, и приговор по делу идет по указу царя. Таким образом, здесь перед нами совершенно особый порядок делопроизводства; и мы можем сделать если не вывод, то предположение, что в тех делах, которые близко затрагивали особу царя, обычный порядок производства нарушался: царь, поручая следование дела «боярам» (возможно, по своему выбору), сам не только направлял «розыск», но и присутствовал при нем, лично исполняя роль следователя и судьи.

А обычная практика шла прежним путем. В 1677 году в Новгородском приказе расследовалось дело крестьянина Клима Ерышева, который, как утверждалось в донесении царю, «говорил про твое царское величество непристойные слова»; по царской грамоте кевроль-мезенскому воеводе велено было урезать виновному язык и бить его кнутом нещадно. Дело поднялось вновь в 1678 году по извету, что воевода языка не урезал, а только для виду велел пустить кровь из щеки виновного; конец этого дела утерян.

Мало что изменилось в расследовании дел по «слову и делу» и в правление царей Ивана и Петра, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы того времени.

²⁰ Артамон Сергеевич Матвеев (1625 – 1682) – государственный деятель, ближний боярин. Один из первых «западников» в России. Был растерзан во время Стрелецкого бунта.

В июне 1697 года, уже при единоличном царствовании Петра, монахиня Авксентия подала в Новгороде воеводе бумаги от игуменьи Тихвина-Введенского монастыря, где игуменья пишет, что эта Авксентия «сказала за собой государево слово», почему ее и отпустили в Новгород к воеводе; этот последний, Апраксин²¹, немедленно допросил монахиню: Авксентия обвиняла, со слов монаха Иосафа, монастырского архимандрита, говорившего целовальнику, приехавшему продавать табак: «Будь ты проклят, и с тем, кто указал табак продавать!», а также: «Дам попам по две деньги и велю проклинать у престола Божья того, кто повелел таким товаром торговать». Кроме того, этого архимандрита обвиняла Авксентия в непраздновании царского ангела и еще в других – просто#таки уголовных преступлениях. Воевода начинает допрашивать свидетелей и замешанных лиц, списывается с митрополитским Новгородским приказом, который ведет допрос и делает очные ставки (до пыток нигде не доходит). После долгих допросов и переписки обвиненный архимандрит просит челобитьем на имя царя, чтобы его взяли в Москву в Новгородский приказ: указом 7207 года было велено все дело передать в Москву и «подать в Новгороцком приказе думному нашему дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву²² с товарищи».

Из этого дела мы видим, что в самом начале царствования Петра обычный порядок следствия и наказания по «по государеву слову и делу» продолжался: как и в начале XVII столетия, изветы принимают простые воеводы, они же ведут следствие, также дело затем переходит в один из московских приказов, но следов особого учреждения по такого рода делам по#прежнему не видно. Кроме того, во второй половине XVII века хотя и редко, но стал применяться особенный порядок к тем делам по «слову и делу», которые почему#либо заинтересовали самого царя.

III

Начался XVIII век. Именной указ от 25 сентября 1702 года гласил: «Буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходиться каких чинов нибудь люди... и учнут за собой сказывать Государево слово или дело, – и тех людей в Московском судном приказе не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому²³. Да и в городах воеводам и приказным людям таких людей, которые начнут за собою сказывать Государево слово или дело прислать к Москве, не расспрашивая». Таким образом, старый общий для XVII века порядок производства дел по «слову и делу» был нарушен: в большинстве, изъятые из общей подсудности, дела эти были сосредоточены в ведении испытанного в своей верности слуги Петра князя Федора Ромодановского, в Преображенском приказе.

Дела этого приказа начинаются регулярно в столбцах с 1696 года. До 1702 года характер этих дел чрезвычайно однообразен; все они разбиваются на четыре категории: во#первых, «о битве», «драке», «кричании караула» между московскими обывателями, то есть дела о нарушении общественной тишины и порядка на улицах и площадях Москвы; во#вторых, дела о мелких взысканиях по гражданским искам, причем обычно ответчика приводит истец; в#третьих, о нарушениях обязательных постановлений в городе, то есть пении песен в непопленном месте, езде там, где запрещено, оскорблениях священных мест чем#либо и т. п.;

²¹ Петр Матвеевич Апраксин (1659 – 1728) – военачальник и государственный деятель, участник Северной войны, близкий сподвижник Петра I; в 1724 – 1725 годах генерал-губернатор Санкт-Петербурга.

²² Емельян Игнатьевич Украинцев (1641 – 1708) – государственный деятель, дипломат, глава Посольского приказа в 1689 – 1699 годах.

²³ Федор Юрьевич Ромодановский (ок. 1640 – 1717) – государственный деятель, князь, близкий сподвижник Петра I. Сыграл решающую роль в подавлении Стрелецкого бунта 1698 года. В 1686 – 1717 годах глава Преображенского приказа розыскных дел, также руководил Сибирским и Аптекарским приказами.

в#четвертых, дела по «слову и делу». Необходимо отметить, что преобладающее количество дел относятся к первому и третьему роду, то есть к делам полицейского характера; немного дел второго рода – дел мелкой юстиции и мелкой расправы; и чрезвычайно мало дел четвертого рода – по обвинениям по «слову и делу».

Ясной этому иллюстрацией служит тот факт, что для 1696 года из общего числа сохранившихся дел Преображенского приказа (около 605) по «слову и делу» имеются не более пяти дел. Следовательно, можно сказать с некоторой уверенностью, что в первые годы своего существования – до 1702 года – Преображенский приказ отнюдь не являлся специальным учреждением по делам о государственных преступлениях. Основная роль Преображенского приказа для Москвы была чисто полицейская: приказ был тогда, в сущности, канцелярией полицмейстерских дел Москвы.

С 1702 года положение немного изменяется, но все#таки Преображенский приказ не становится единственным учреждением для преследования государственных преступлений; указ 1702 года только вводит в ведение исключительно Преображенского приказа все дела из провинций, присылаемые по «слову и делу». В этом сказывается желание царя поручить эти дела – принявшие, возможно, в глазах Петра слишком важный характер, чтобы их можно было вести обычным порядком, – близкому и доверенному человеку. При этом, как явствует из обозрения дел Преображенского приказа, в его заведывании все еще оставалась полиция Москвы, да с того же времени хозяйственно-оружейная часть гвардии (а отчасти и всей армии) тоже все более ложилась на Преображенский приказ. Таким образом, и в 1702 году Преображенский приказ вовсе не являлся специальным учреждением по расследованию государственных преступлений. Все это в совокупности дает впечатление, что Петр, обратив внимание на «дела государственные» и решив их поручить людям близким и надежным, в большей части поручил их Ромодановскому, начавшему вести их наряду с другими делами, новыми и старыми, в Преображенском приказе.

Такое нагромождение разнообразных дел, мало имеющих общего друг с другом, вызывало, вероятно, недоразумения, которые заставили Петра особым указом в 1722 году точнее определить, что же, собственно, подобает ведать Преображенскому приказу. В этом указе Петр пишет, «чтоб делам быть в Преображенском», во#первых, государственным, по «слову и делу»; во#вторых, «полки гвардии чтоб ведомы были по#прежнему»; в#третьих, посторонних дел... никогда не примать», а имеющиеся такие «отдать к своим местам»; но тут делается исключение для крупных разбойных дел.

Этот указ свидетельствует прежде всего о том, что и после 1702 года Преображенский приказ не является специальным по государственным преступлениям учреждением; кроме того, нельзя не обратить внимания на то, что «ведение» приказом дел по «слову и делу» выдвигается все#таки теперь на первое место, а вся мелкая полиция (может быть, и еще какие#либо к тому времени попавшие в ведомство того же приказа дела) постепенно изымаются из его ведения. Если к этому прибавить, что кн. Ив. Ромодановский²⁴ (наследовавший приказ от отца) с 1726 года приблизительно называется генерал-губернатором Московским, то есть высшим полицейско-административным лицом Москвы, то станет ясно, что Преображенский приказ в основе своей являлся главным образом полицейским учреждением, но осложненным поручением расследовать провинциальные дела по «слову и делу».

В дополнение ко всему этому и в связи с заведыванием в известном отношении гвардией в Преображенском приказе появился еще ряд дел по разным земельным и другим имущественным тяжбам, что, конечно, еще более загромодило и обесформило делопроизводство. А произошло это последнее усложнение деятельности приказа потому, что многие

²⁴ Иван Федорович Ромодановский (конец 1670#х – 1730) – государственный деятель, князь, близкий сподвижник Петра I. В 1717 – 1729 годах возглавлял Преображенский приказ, в который в 1726 году были переданы дела Тайной канцелярии.

гвардии офицеры били приказу челом о неведении нигде их имений судом, кроме Преображенского приказа, и когда на это получали согласие (что бывало не так уж и редко), то переносили все свои тяжёбые дела из разных других учреждений в Преображенский приказ. Не о рассылке ли именно этих дел по надлежащим местам говорит Петр в указе 1722 года?

Таким образом, очевидно, что никак нельзя считать этот приказ первым в России специальным учреждением по преследованию и суждению преступлений по «слову и делу». Небезынтересно заметить, что в кабинетных делах времени Петра сохранилось за 1702 – 1725 годы многое из переписки с Ромодановским, и даже при беглом просмотре этой переписки становится ясно, что важнейший предмет Преображенского приказа составляют дела полков гвардии – их обмундирование, вооружение, набор и проч.

Можно сказать, что в 1702 году Петр сделал шаг по старому, уже в XVII веке намеченному пути: он поручил дела по «слову и делу» одним общим распоряжением в их огромном большинстве близкому доверенному человеку, изъяв их почти целиком из общего порядка «следования». Если у царя Алексея Михайловича побудительные причины к такого рода направлению «государственных дел» появлялись только изредка, только в некоторых отдельных случаях, то у приемника его, с борьбой и тревожностями обретшего наследственную власть, естественно, оказалось гораздо более побудительных причин обратить свое особенное внимание на эти дела, а следовательно, и направить их по тому особому руслу, которое уже было намечено для таких случаев его отцом и которое обеспечивало Петру возможность личного надзора и вмешательства, а также гарантировало в значительной степени ведение таких «важных» дел строго соответственно его воле.

В кипучей деятельности Петра «важные» дела, входить в которые лично царь считал необходимым, были не только дела «государственные»: дела по хищениям казенного имущества, вопиющие (вроде гагаринского²⁵) дела по всяким злоупотреблениям местных администраций тоже тревожили Петра, тоже казались ему «важными». В именном указе от 25 января 1715 года Петр объявлял: «Кто истинный христианин и верный слуга своему Государю и отечеству, тот без всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому Государю, или, пришед ко двору Его Царского Величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное доношение, а именно о следующих: 1. О каком злом умысле против персоны Его Царского Величества или измены; 2. О возмущении или бунте; 3. О похищении казны; а о прочих делах доносить, кому те дела вручены».

Но если, согласно этому указу, подобные дела попадали непосредственно к Петру, то как же, спросим, император с ними поступал далее, как же он их расследовал и решал? Кто же или что за учреждение, в какой мере и каким образом ему в этом помогали? Так возникли майорские розыскные канцелярии, к истории которых мы и обратимся в следующей главе; а в заключение настоящей главы позволим себе только отметить некоторые моменты дальнейшей истории трех пунктов указа 1715 года.

Петр, повторив в указе от 19 января 1718 года эти три пункта, требовал, «дабы о первых двух пунктах доносили по прежнему указу караульному офицеру, а он будет представлять челобитчика самому Его Царскому Величеству; а о третьем пункте» доносить Ушакову²⁶ в Москве, Кошелеву²⁷ в Петербурге. Таким образом «государственные дела», имеющие отношение к первым двум пунктам, Петр к этому времени уже выделил, придавая им особое,

²⁵ Имеется в виду дело сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина (ок. 1659 – 1721), казненного за мздоимство и казнокрадство. Среди злоупотреблений, вмененных в вину Гагарину, были: занижение реальных доходов губернии, взятки за винный откуп, вымогательства, угрозы купцам, присвоение казенных средств и т. д.

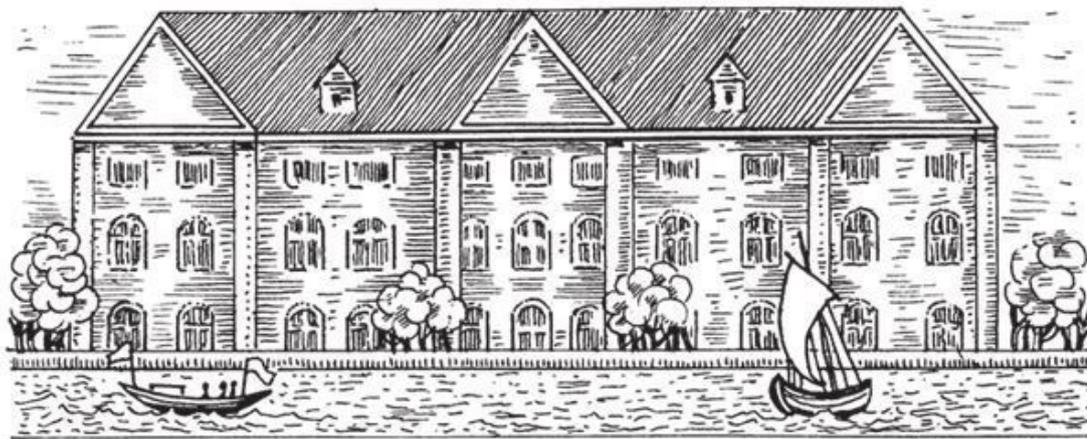
²⁶ Андрей Иванович Ушаков (1672 – 1747) – тайный фискал с поручением наблюдать за постройкой кораблей (назначен Петром I в 1714 году), начальник Канцелярии тайных и розыскных дел в 1731 – 1746 годах, сенатор, граф.

²⁷ Герасим Иванович Кошелев (1671 – 1722) – полковник Преображенского полка, глава Подрядной канцелярии (1715), президент Камер-коллегии (1722).

бóльшее значение, чем делам, относящимся к третьему пункту. В конце того же 1718 года указом от 22 декабря Петр повелевает о делах, касающихся похищений казны, доносить фискалам и быть этим делам в ведении Коллегии юстиции.

Глава вторая

Очерк истории майорских розыскных канцелярий Петровского времени

Объединяющее название «майорские розыскные канцелярии» до известной степени искусственно. Перед нами ряд совершенно отдельных учреждений, носящих названия: канцелярия ведения такого#то (например, лейб-гвардии майора Дмитриева-Мамонова²⁸), канцелярия ведомства такого#то, канцелярия розыскных дел такого#то; а иногда рядом с этим, как бы личным названием постепенно образуется и применяется другое – «канцелярия ведения лейб-гвардии майора Ушакова» часто называется «канцелярия рекрутного счета», к «канцелярии ведомства Дмитриева-Мамонова» прилагается одновременно название «сибирская канцелярия». Употребление этих наименований идет беспорядочно, и часто почти рядом к одному и тому же учреждению прилагаются разные названия. Но в этом беспорядке и как бы раздельности при более близком изучении нельзя все#таки не заметить чего#то общего, дающего право на некоторое объединение всех этих канцелярий. Очевидно, что однородность этих учреждений, единство принципов, в основании их лежащих, хотя и смутно, но в то же время определенно сознавались и создавшим их Петром, и в них работавшими людьми.

Мне удалось найти данные к истории «канцелярий ведомства» следующих лиц: кн. Алекс. Шаховского²⁹, кн. Мих. Волконского³⁰, Богд. Скорнякова-Писарева³¹, Ив. Плещеева³², кн. Вас. Вл. Долгорукова³³, Мих. Аф. Матюшкина³⁴, кн. П. М. Голицына³⁵, А. И. Ушакова,

²⁸ Иван Ильич Дмитриев-Мамонов (1680 – 1730) – сенатор, генерал-аншеф; морганатический супруг царевны Прасковьи Иоанновны.

²⁹ Алексей Иванович Шаховской (ок. 1690 – 1736) – генерал-аншеф, сенатор, правитель Малороссии в 1734 – 1736 годах; князь. В 1719 году осуществлял следствие над сибирским губернатором М. П. Гагариным.

³⁰ Михаил Иванович Волконский (ок. 1660 – 1717) – майор Семеновского полка, князь. Был отрешен за злоупотребления от розыскных дел, отдан под суд и расстрелян.

³¹ Богдан Григорьевич Скорняков-Писарев – брат Г. Г. Скорнякова-Писарева (в 1718 году обер-прокурора Сената), чем, собственно, и объясняется его выдвижение.

³² Иван Никифорович Плещеев (1676 – 1750) – герольдмейстер в Сенате. Руководил в январе 1728 года опечатыванием имущества и переписки А. Д. Меншикова.

³³ Василий Владимирович Долгоруков (1667 – 1746) – генерал-фельдмаршал, член Верховного тайного совета в 1727 – 1730 годах, президент Военной коллегии в 1730 – 1731 и 1741 – 1746 годах. В 1715 году был председателем военно-судной комиссии, назначенной царем для исследования злоупотреблений, совершенных при участии А. Д. Меншикова.

³⁴ Михаил Афанасьевич Матюшкин (1676 – 1737) – государственный и военный деятель, сподвижник Петра I, гене-

Мих. Волкова³⁶, Ив. Ил. Дмитриева-Мамонова, Гер. Ив. Кошелева, кн. Юсупова³⁷, С. Салтыкова³⁸.

Заранее оговаривая неполноту материалов, имевшихся в моем распоряжении, я взял на себя все#таки смелость составления очерка их деятельности. При этом следует знать, что основные архивные фонды частью сгорели во время пожара Московского сенатского архива в 1737 году (где погибли дела канцелярий Дмитриева-Мамонова, Юсупова и Матюшкина), частью, видимо, просто рассеялись; такое положение дела заставило пользоваться другими архивными фондами, в которых явилась возможность найти иной раз совершенно случайно туда попавшие известия о розыскных канцеляриях.

I

«1717 года декабря в 13 день по указу Великого Государя, правительствующий Сенат приказал: лейб-гвардии к господам офицерам, которые определены к делам: генералу-майору и подполковнику князю Голицыну, майорам: князю Салтыкову, Волкову, Дмитриеву-Мамонову, бригадиру и генеральному ревизору господину Зотову³⁹ на приказные расходы из канцелярии Сената отпустить по 50 рублей. А когда у них в канцелярии деньги будут в сборе, оные данные деньги в канцелярию Сената возвратить». Указом того же года от 17 декабря велено было Сенатом «лейб-гвардии к господам офицерам в канцелярии» отослать из военной коллегии «для караула и посылок солдат, по сколько человек надлежит».

23 декабря того же года был дан Сенатом такой указ: «По именному Великого Государя указу определены к розыскным делам господа офицеры, а именно: генерал-майор и лейб-гвардии подполковник князь Петр княж Михайлов сын Голицын; лейб-гвардии майоры: князь Григорий княж Дмитриев сын Юсупов, Семен Андреев сын Салтыков, Михайло Яковлев сын Волков, Иван сын Дмитриев-Мамонов и лейб-гвардии капитан Герасим Иванов сын Кошелев. Правительствующий Сенат приказали: о чем от них указы посылаться будут, а именно: о присылке каких чинов людей, также и дел для розыска в Санкт-Петербург и по тем указам быть послушным и отпускать, чего они требовать будут, также и на подводы прогонные деньги давать везде без задержания». Дальнейшими указами Сената того же месяца по требованиям вышеназванных господ офицеров им посылались дьяки и подьячие для ведения дел в канцеляриях. Так, в конце 1717 года был организован ряд канцелярий для розысков под ведением господ лейб-гвардии офицеров. Однако, как увидим, не сразу и не с этого именно момента появились описываемые учреждения. Постараемся разобраться в материалах, имеющихся в нашем распоряжении, и сказать о каждой из таких канцелярий в отдельности.

1. В 1713 году Петр именным указом из Кабинета посылает от гвардии офицера Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова в Вологду для следствия о недозволенной из Архангельска продаже купецкими людьми юфти и пеньки за границу. Дмитриев-Мамонов еще был в Вологде, когда в том же году Петр за своим подписанием шлет ему второй указ: «По полу-

рал-аншеф. В 1716 году был назначен ассессором в военно-судную комиссию, которая расследовала злоупотребления А. Д. Меншикова.

³⁵ Петр Михайлович Голицын (1682 – 1722) – командир лейб-гвардии Семеновского полка в 1709 – 1717 годах, князь.

³⁶ Михаил Яковлевич Волков – капитан Семеновского полка (1698), генерал-лейтенант (1726).

³⁷ Григорий Дмитриевич Юсупов (1676 – 1730) – генерал-аншеф, князь.

³⁸ Семен Андреевич Салтыков (1672 – 1742) – командир Преображенского полка в 1727 – 1728 годах, сенатор, обер-гофмейстер.

³⁹ Василий Никитович (Никитич) Зотов (1668 – 1729) – генеральный ревизор Сената в 1715 – 1719 годах, казанский губернатор в 1727 – 1728 годах; генерал-майор; сын первого учителя Петра I – Н. М. Зотова.

чении сего указу ландрихтера⁴⁰ Ивана Нахалова також против приложенной при сем именной росписи наборщиков, которые рекрут набирали, так же приказчиков и старост, сыскав, возьмите за караул; а какое до них дело, и о том немедленно будем к вам писать». В письме от 3 декабря того же года Петр, говоря о «сказках» доносителей на злоупотребления наборщиков рекрут, пишет, что посылает копии с этих «сказок» – «против которых вам розыскать и, кто приличны будут, тех пытать и розыскивать; тех наборщиков, которые явятся по розыску во взятках, возьмите сюды с собой за караулом... И розыскать накрепко, и тот розыск и их Нахалова и Кузмена тогда, как вы сюда поедете, возьмите». «В 1717 году Царского Величества именованным указом повелено от лейб-гвардии майору Дмитриеву-Мамонову иметь канцелярию, в которой управлять дела по пунктам Царского Величества», «а ко оным делам в той канцелярии надлежит быть подъячим», всего тринадцать человек, с требованием которых, а также чернил, бумаги, сургучу, помещения и т. д. Дмитриев-Мамонов обращается в Сенат. И уже в январе следующего 1718 года эта канцелярия находится в полном действии.

В письме от 18 января к Петру за подписью Ив. Дмитриева-Мамонова, Ив. Лихарева⁴¹, Егора Пашкова⁴² и Ив. Бахметьева⁴³ говорится: «По данному от Вашего Величества указу повелено нам исследовать по фискальскому донесению о Евреиновых»; видимо, Ив. Дмитриев-Мамонов действует в поручаемых «розысках» не один, а коллегиально. В том же году другое донесение: «...именным Царского Величества указом повелено нам от гвардии офицерам исследовать о бытности в Сибири господина подполковника Бухалта⁴⁴»; эту бумагу подписывает один Дмитриев-Мамонов (апрель 1718 года). Дело кн. Гагарина, сибирского губернатора, тоже расследовалось канцелярией Дмитриева-Мамонова и тянулось в продолжение четырех лет, до 1721 года; лихоимство, злоупотребление властью и взяточничество – словом, преимущественно преступления «против третьего пункта» указа 1715 года были «розыскиваемы» в деле кн. Гагарина.

Таким образом, к 1718 году вокруг Дмитриева-Мамонова образуется канцелярия, во главе которой стоят несколько гвардейских офицеров, но истинным начальником которой все#таки остается Дмитриев-Мамонов, извещавший Петра в то время о передаче некоторых дел кн. Юсупову «из канцелярии врученной мне, нижайшему рабу Вашему». Иногда прибавлялось еще имя Лихарева и канцелярия получала название «канцелярии ведения лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицерами», однако название «канцелярия ведения Дмитриева-Мамонова» преобладает, и в целом ряде донесений-писем Петру с отчетами о суммах, бывших у него по разным делам, Дмитриев-Мамонов говорит о канцелярии своего «ведения». Были случаи, когда писали без упоминания о канцелярии: например: «лейб-гвардии господам майорам Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Лихареву с товарищами». В 1719 году в Канцелярию тайных розыскных дел поступает дело по подметному письму о тобольских жителях – что есть среди них противники указов о немецком платье и бритье бороды. Тайная канцелярия пересылает это дело в канцелярию ведения Дмитриева-Мамонова, указав адрес: «бригадиру и лейб-гвардии майору

⁴⁰ Ландрихтер – главное должностное лицо в городе после реформы местного управления, проведенной в 1708 – 1715 годах; ландрихтеры пришли в 1715 году на смену обер-комендантам и комендантам, которые за пять лет до этого, в 1710 году, заменили воевод.

⁴¹ Иван Михайлович Лихарев (1676 – 1728) – майор Семеновского полка (1718); впоследствии генерал-лейтенант, архангельский губернатор.

⁴² Егор Иванович Пашков (ум. в 1740) – денщик Петра I, прокурор Военной коллегии (1722), губернатор Астрахани (1739).

⁴³ Иван Иванович Бахметев (Бахметьев; 1683 – 1760) – следователь (1723), судья Вышнего суда (1723 – 1725), обер-прокурор Сената (1740); генерал-лейтенант.

⁴⁴ Иван Дмитриевич Бухгольц (Бухольц, Бухалт, Буколыц; 1671 – 1741) – генерал-майор (1740), основатель Омска, сподвижник Петра Великого. Расследование, начатое в связи со сдачей джунгарам Ямышевской крепости на Иртышской линии, установило полную невиновность И. Д. Бухгольца.

Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову и прочим офицерам». Наконец, сохранилось «определение» Тайной канцелярии, датированное январем 1724 года, за подписью Ушакова о некоем Козмине, сказавшем ложно «слово и дело», – его решено отослать «в канцелярию ведения генерала-майора господина Дмитриева- Мамонова.

Следы существования этой канцелярии последний раз попадают в 1725 году, откуда, конечно, не следует заключать об ее уничтожении в это время; однако в 1737 году дела ее уже находились в Сенатском московском архиве и все сгорели во время пожара, бывшего в этом году в Москве. К этому времени они уже достигли больших размеров и были переплетены в 191 книгу.

Таким образом, поручив майору от гвардии Дмитриеву- Мамонову несколько розыскных дел, Петр снабжает его как доверенное лицо большими полномочиями: «кто приличны будут» к делу – «пытать и розыскивать», и «розыскивать накрепко». Затем следует ряд поручений, и у Дмитриева-Мамонова появляется ряд помощников-офицеров; эти офицеры становятся его «товарищами», и образуется «канцелярия», которая иногда называется и по их именам, но вместе с тем всегда фигурирует Ив. Дмитриев-Мамонов: он один ведет переписку с Петром; он один иногда подписывается за всех; дела часто адресуются только на его имя – в письме к нему от 12 августа 1721 года Макаров⁴⁵, передавая ему донесение Нестерова⁴⁶ о злоупотреблениях дьяков в Москве, пишет: «...и оное доношение указал Его Царское Величество для решения отослать к вам». Все это производит впечатление, что нечто похожее на коллегиальное начало существовало в канцелярии между Мамоновым и его товарищами, но Мамонов все#таки был главой, первоприсутствующим этой коллегии; причем едва ли были строго намечены границы единоличного и коллегиального решений; да и сама коллегия была в составе своем неустойчива, случайна: в нее, видимо, входили разные «штаб- и обер-офицеры». Ушаков в одном письме к кн. Михаилу Голицыну⁴⁷, сообщая о неимении у него указаний царских о том, как судить в некоторых случаях, писал: «...уповаю я, что такие указы имеются в канцелярии ведомства генерала-майора Дмитриева-Мамонова, ибо когда мы во оной канцелярии с прочими лейб-гвардии штаб- и обер-офицерами обще слушали дела, упоминались такие указы».

Мы видели, что сферу деятельности этой коллегиальной канцелярии определить можно словом «розыск»; точнее – «производство розысков» – следований по делам, поручаемым по мере надобности самим Петром; входя во всё ближайшим образом, император следил за делами канцелярии, о чем ясно свидетельствуют письма Мамонова непосредственно к Петру по разным, часто мелким, делам и дошедший до нас ряд именных указов Петра по делу Гагарина, данных по канцелярии Мамонова. Иногда государь и сам бывал в канцелярии, так как имеется «Указ Великого Государя из канцелярии» ведения Дмитриева-Мамонова. Но если «розыскивание» и «следование» являлись главным делом канцелярии, то полномочия ее в решении и направлении дел были до чрезвычайности шатки, завися, видимо, от каждого конкретного случая, от каждого данного «поручения»; по крайней мере, отсылая одно дело (о злоупотреблении московских дьяков) Мамонову «для решения», Макаров пишет: «...ежели же о том решения учинить собой не можете, и по тому вам доложить Его Царскому Величеству». Как будто сам Мамонов должен решать в каждом случае, может ли он обойтись без государевой воли или нет.

⁴⁵ Алексей Васильевич Макаров (1674 или 1675 – 1740) – кабинет- секретарь Петра I; ведал секретными бумагами.

⁴⁶ Алексей Яковлевич Нестеров (1651 – 1724) – обер-фискал, гроза взяточников и казнокрадов; позднее сам был обвинен в злоупотреблениях и казнен.

⁴⁷ Михаил Михайлович Голицын (Старший) (1675 – 1730) – соратник царя Петра I, полководец в Северной войне; генерал-фельдмаршал. По воцарении Петра II стал сенатором и членом Верховного тайного совета, президентом Военной коллегии.

Как мы уже видели, прямые указы Петра определяли задачи канцелярии в каждом конкретном случае; словом, действовало в чистом виде «поручение», иногда даже даваемое через третье лицо. Как давались эти поручения и в какие рамки обычно ставили деятельность канцелярии, видно из следующего документа. В канцелярии в 1718 году расследовалось большое дело по разным доносам бывшего фискала Санина: попало оно в канцелярию Мамонова после письма Бутурлина⁴⁸: «Благородный господин майор и господина капитан Лихарев, капитан поручик Пашков, поручик Бахметев! Прошедшего мая в 28#й день Царское Величество, слушав доносительных пунктов бывшего фискала Санина, который ныне у вас, указал по именному своему Великому Государю указу по оным пунктам о некоторых делах исследовать и розыскать... А о каких делах следовать и розыскивать, тому при сем прилагается реестр. Слуга ваш Иван Бутурлин» (16 июня 1718 года). Мы видели выше, что и кабинет-секретарь Макаров по именным указам передавал подобными письмами Дмитриеву-Мамонову разные дела; мы видели, что это делалось и прямыми указами императора; других путей, по#видимому, не бывало: личное поручение императора – единственный использовавшийся путь.

Вот еще письмо Бутурлина к «благородному господину майору Дмитриеву-Мамонову гвардии Семеновского полку с товарищи»: «Благородный господин майор и господина капитан Лихарев, капитан поручик Пашков, поручик Бахметев! Бывший Ярославец купецкий человек Иван Рукавин, который сидел в канцелярии по поручке в подрядном деле у полковника Кошелева и от него отдан бить сваи за вину свою, и оный сказал за собою государево слово и подал мне письма доводные, а те ему письма отдал бывший фискал Санин; и оный Санин по тем письмам взят с каторжного двора; и сего дня по именному Царского Величества указу к тебе в канцелярию отсылаю с теми его письмами, изволь его расспросить обстоятельно и по тому делу следовать; и будет по расспросным его речам, кто какого чина ни есть, – духовных и мирских, – доведутся, взять к тому делу здесь в Петербурге или из иных городов, также и из деревень, изволь посылать и брать; а что в том деле будет являться, изволь доносить Его Величеству; да по Его же Царского Величества указу посылать к тебе упомянутого Рукавина, изволь приказать его держать с колодниками до указа; изволь твое благородие с товарищами по сему чинить» (8 апреля 1718 года).

Когда дело поступало в канцелярию и были, откуда следовало, присланы обвиняемые, то обычно бывал им распрос: «...Перед майором Иваном Ильичем Дмитриевым-Мамоновым с товарищами присланный с каторжного двора Иван Рукавин расспрошен, а в распросе сказал»... И далее идут показания обвиняемого, обычно скрепленные его подписью. За этим зачастую следуют пытки и запись пыточных речей. Когда такого рода материал собирался, происходило в канцелярии перед майором и ассессорами чтение всех показаний, и в результате часто следовали распоряжения в целях дальнейшего следствия: «... По указу великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича... лейб-гвардии майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев, слушав расспросные речи Ефима Санина... приговорили: дела... взять в Санкт-Петербург и о взятии тех дел к господину майору Ушакову писать; а которые люди по тем делам надлежат, тех допросить». Такие приговоры обычно подписывали ассессоры с Дмитриевым-Мамоновым, но не всегда в одинаковом числе; по#видимому, не было установленного числа подписей: «слушали и приговаривали», смотря по обстоятельствам, все или только некоторые из «присутствующих господ офицеров». Делались приговоры «по указу» государя, вероятно, не фиктивному; часто можно встретить, что «расспросные речи» докладывались императору, а он, «слушав доно-

⁴⁸ Иван Иванович Бутурлин (1661 – 1738) – российский генерал, сподвижник Петра I, участник Северной войны. В 1700 – 1710 годах находился в шведском плену.

сительных пунктов», «указал». Повеления Петра обычно заносились в указную книгу канцелярии в таком виде: «...1718 года, июля в 3 день по указу Великого Государя и Царя и Вел. Кн. Петра Алексеевича... л.#гв. майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, капитан Иван Михайлович Лихарев, капитан-поручик Егор Иванович Пашков, поручик Иван Иванович Бахметев приказали Его Великого Государя указ в канцелярии их ведомства записать в книгу, что по именному Его Царского Величества изустного указу велено послать от гвардии поручика Авраама Шамордина⁴⁹ в Сибирь» и т. д. Ниже идут подписи всех в начале помянутых офицеров.

«Изустные» указы императора встречаются довольно часто; они, видимо, делаются или при появлениях Петра в канцелярии, или при докладе выписок Мамонов выслушивает их от царя лично; так, в одном письме к Макарову Мамонов говорит, что «вчерашнего дня в военной коллегии докладывал я Царскому Величеству». Иногда эти указы касаются самых мелочей: например, Шамордин присылает из Сибири множество, часто мелких, вопросов, как ему вести следствие, и все они докладываются Петру, который или давал «изустные» указы, или иногда писал резолюции прямо на докладных выписках. Изредка указы передавались и третьими лицами, например: «...1721 года ноября 25 дня в канцелярии ведения бригадиров и лейб-гв. майоров Дмитриева-Мамонова и Лихарева с прочими офицеры Его Императорского Величества денщик Василий Петров сын Поспелов⁵⁰ объявил словесно Его Императорского Величества указ: что Е. И. В. указал по именному своему словесному указу князя Матвея Гагарина с виселицы из петли сняв, и сделав железную цепь, поднять на той цепи на той же виселице, где он ныне был. И сей Его Императорского Величества именной указ лейб-гвардии майор господин Дмитриев-Мамонов приказал в канцелярии ведомства своего записать в книгу».

Таким образом постоянно, в разных стадиях дела Петр вмешивался и сам направлял его ход властной рукою. Несмотря на это, в общих чертах ход дела всегда оставался неизменным. Когда кончался собственно розыск, когда были произведены в надлежащем присутствии все расспросы и очные ставки, тогда составлялись обычно докладные выписки, которые и подносились царю. Мы уже приводили выдержку из письма Макарова к Мамонову, где дело посылалось на решение, но говорилось, что если Дмитриев-Мамонов не «может» решить, то пусть доложит императору. Из этого видно, что иногда канцелярия могла сама вершить дело своим приговором, а иногда за это не бралась. Приводился ли приговор в исполнение в первом случае без утверждения Петра? Прямого ответа на это найти не удалось, но раз император порой входил даже в мелочи, то трудно допустить, чтобы приговоры приводились в исполнение без его санкции, хотя бы и примитивной по форме.

В заключение заметим, что канцелярия сносилась с коллегиями – «промемориями», а с Сенатом и Кабинетом – «доношениями»; в ее распоряжении были денежные суммы, конфискуемые имущества; и, наконец, под ее ведением содержались колодники, «принятые» по делам. Таковы основные черты деятельности канцелярии Мамонов. К сожалению, до нас дошло мало сведений о составе собственно канцелярии, то есть о количестве дьяков и подьячих; мы знаем только, что в марте 1718 года в канцелярии было всего 13 подьячих.

Направление деятельности канцелярии Мамонова, как мы уже заметили, каждый раз определялось тем или иным поручением, хотя «розыскные» дела составляли основной предмет ее ведения: таковы дела в Вологде, таково дело сибирского губернатора кн. Гагарина, наконец, повелено было указом за собственноручною подписью Петра «лейб- гвардии май-

⁴⁹ Авраам Григорьевич Шамордин (ум. после 1739) – ассессор следственной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова в 1717 – 1723 годах. Был командирован в Сибирь для проведения следственных действий и проведения рекрутского набора. С 1737 года смоленский губернатор.

⁵⁰ Василий Петрович Поспелов (1699 – после 1780) – любимый денщик императора Петра I, пользовался большим влиянием; шталмейстер при императрице Анне Иоанновне; барон.

орам Ивану Ильичу Дмитриеву-Мамонову, Ивану Михайловичу Лихареву с прочими офицеры исследовать дела по фискальским доношениям». Таким образом, видимо, сферой деятельности канцелярии служили дела «против третьего пункта», или «интересные», как они тогда именовались, – то есть дела, касающиеся нанесения ущерба государственной казне.

В реестре вершенных дел Тайной канцелярии за 1719 год есть следующая запись: «... отпуск Указа из Канцелярии Тайных Розыскных Дел в канцелярию ведомства господина бригадира и гвардии майора Дмитриева-Мамонова»; речь идет об указе по делу Семена Выморкова. Из канцелярии полицмейстерских дел был прислан в Тайную канцелярию подъячий якутский Выморков, сказавший за собой «слово и дело». Но при расспросе его оказалось, что он показал «по сибирской губернии о похищении... государевой казны»; в результате этого «великий государь указал» подъячего Выморкова «послать» в канцелярию Дмитриева-Мамонова – «для того», говорится далее в том же указе, что «по сибирским делам следует в той канцелярии». Вчитываясь в эту мотивировку, нетрудно заметить, что канцелярия Дмитриева-Мамонова начинает приобретать хотя и смутный, но несомненный район ведения – это были «сибирские дела» «против казенного интереса».

При дальнейшем расследовании Выморков заявил «о слове государеве, о котором в помянутой канцелярии следовать не возможно», почему опять дело о Выморкове «великий государь... указал... отослать в Канцелярию Тайных Розыскных Дел». Таким образом, дела «против первых двух пунктов» как бы выгораживаются из ведения канцелярии Мамонова. Впрочем, какое-то отношение к ним она время от времени все-таки имела. Например, она рассматривала дело об «измене» в 1724 году, о чем сохранилась запись.

2. В 1715 году Макаров по повелению Петра препровождает полковнику Кошелеву подъячего, доносителя на злоупотребления по рекрутским наборам, «для надлежащего против донесения исследования». В 1716 году 27 января Петр дает указ Кошелеву и дьяку Вороннову «принять вам дела Курбатова⁵¹ с Соловьевым⁵² и разыскивать самой правдой, и, когда то все исследовано будет, о том к нам писать и без указа тех дел не вершить».

9 декабря 1717 года Петр указом передал в канцелярию Кошелева ряд дел «по донесению фискальскому», требуя честно вести следствие. Указ этот заканчивается так: «...о врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт преступления подписан будет приговор, чему кто будет достоин; тогда доносить, а самому без доклада никаких дел не кончать и экзекуций не чинить; и понеже устава земского полного и порядочного не имеем, того ради всяких чинов людей, какого б чину ни был, судить по правам воинским... К сему розыску в ассессоры также приказных людей, сколько надобно, брать...» Так вокруг Кошелева образуется канцелярия; она явилась благодаря поручению Петром Кошелеву важного следствия, для выполнения которого и повелено было брать, сколько надобно, приказных людей. Впрочем, прием ассессоров находился под строгим контролем самого императора – ассессоры назначались им самим. Когда Кошелеву были вручены дела Курбатова и Соловьева по злоупотреблениям в Архангельске, то Кошелев посылает императору следующий мемориал:

⁵¹ Алексей Александрович Курбатов (1663 – 1721) – из крепостных графа Б. П. Шереметева, автор ряда проектов по вопросам финансов и администрирования. Выдвинулся, подав царю подметным письмом проект о введении гербовой бумаги. Был сделан дьяком Оружейной палаты, получив право докладывать царю о вновь открываемых источниках государственного дохода. В 1711 году был назначен вице-губернатором Архангельской губернии, где вступил в конфликт с креатурой А. Д. Меншикова – обер-комиссаром Д. А. Соловьевым. Был отстранен от должности и умер во время следствия. Судя по всему, вина его была невелика.

⁵² Дмитрий Алексеевич Соловьев (ум. после 1727) – обер-комиссар в Архангельской губернии с 1705 года. Был признан виновным в злоупотреблениях, суд постановил взыскать с него и его брата Осипа в пользу казны почти 700 000 рублей и конфисковать их имущество на сумму около 400 000 рублей. При Екатерине I братья Соловьевы получили прощение и в 1727 году даже были возведены в баронское достоинство.

«Всемиловейший Государь! Доношу Вашему Величеству: именным Вашего Царского Величества указом прошедшего 717 году декабря в 9#й день по данному мне реестру от Вашего Величества определен я сверх старых на меня положенных многих подрядных и других дел к розыскным делам, а именно к делам Курбатова с Соловьевым и на других... по доношениям фискальским больше ста дел; и к тем делам дано мне помощников: два подпоручика Преображенского полка Языков да Семеновского полку Иванов; и из тех дел многие дела по следованию нашему пришли к розыску, а иные и к окончанию; и оных дел мне с вышеписанными моими помощниками одному к решению в доклад Вашему Величеству привести не можно, понеже есть многие важные дела. Прошу Вашего Величества Государя, дабы повелено было сообщить меня к слушанию моих дел для подписания сентенцы или приговоров с офицеры Преображенского и Семеновского полков, которые определены к таким же делам к генералу-майору Голицыну и тех полков к майорам Юсупову и Салтыкову и Дмитриеву-Мамонову с офицеры... а у вышеписанных офицеров по данному Вашего Величества реестру дел перед моими – малое число». По этому мемориалу Петру докладывал Ушаков, который и извещает Кошелева письмом, что Петр ходатайство отклонил, но пожелал, чтобы Кошелев, как только это будет возможно, сам привез ему выписки. Этот мемориал и ответ на него хорошо характеризуют, между прочим, ту близость и своеобразие отношений, которые установились между Петром и канцелярией Кошелева. Так именно дело и шло: выписки о расследовании представлялись царю; он делал по поводу них замечания и резолюции, которые вносились в указную книгу; канцелярия по ним чинила исполнение и потом опять представляла «выписки»; причем, видимо, ассессоры Языков и Иванов иногда самостоятельно их докладывали.

Часто подавались Петру и реестры по производящимся делам с вопросами, которые царь разрешал своими указами. 15 марта 1719 года следует указ о передаче всех дел, ведавшихся «в розыскной канцелярии, которая под ведением... Кошелева... в канцелярию, которая под ведением П. М. Голицына», и Кошелев письмом извещает об этом Голицына. Так закончила свое существование канцелярия Кошелева.

Предметы ее ведения определялись царскими указами в каждом конкретном случае; однако из рассмотрения реестра дел, сделанного при сдаче делопроизводства кн. Голицыну, видно, что дела «против» третьего пункта указа 1715 года, то есть о похищении казенного интереса, являлись почти единственными делами ведения кошелевской канцелярии, нередко именуемой «канцелярией розыскных дел».

Личный состав приказных людей в 1718 году в канцелярии Кошелева состоял из одного дьяка (Иван Васильев), трех старых подьячих, семи средних, трех молодых подьячих; да кроме этих, постоянных как бы, были два средних и два молодых подьячих из Санкт-Петербургской губернской канцелярии и из Старой Русы. Значит, всего дьяков и подьячих было в канцелярии восемнадцать человек.

3. В книге сенатских дел, посвященной сношениям Сената с образованными в 1717 году майорскими розыскными канцеляриями, среди этих последних упоминается канцелярия князя Юсупова; это дает возможность с вероятностью приурочить образование канцелярии Юсупова к тому же 1717 году; во всяком случае, до нас дошло делопроизводство этой канцелярии по «бахмутскому делу», которое ею начато следованием в 1717 году. Это большое дело, тянувшееся следованием до 1721 года, возникло по донесениям капитана Бахмутского батальона Чирикова о кражах при фуражировке полка в бытность его в Малороссии в 1713 и 1714 годах. К следствию был привлечен громадный материал в виде отчетности и разных оправдательных документов, видимо усердно изучавшихся в канцелярии Юсупова; кроме того, в канцелярии допрашивались свидетели и обвиняемые, а в случае нужды посылались на места от канцелярии сержанты.

Среди материалов этого дела попадаются прямые указы Петра, свидетельствующие, что царь сам наблюдал за производством следствия. Время от времени результаты следствия в виде выписок предлагались для приговора коллегии канцелярии Юсупова, которая и принимала решение. Ассессорами канцелярии Юсупова были Украинцев, капитан Федор Скорняков-Писарев и поручик Бибииков⁵³. Однако необходимо отметить следующий факт: в делах, расследовавшихся в канцелярии Юсупова, находим два приговора, под которыми подписи Юсупова, Украинцева и Бибиикова, то есть офицеров, принадлежащих к постоянному составу канцелярии Юсупова, стоят в самом конце после подписей Волкова, Дмитриева-Мамонова, Ушакова, Салтыкова, Пашкова, Голенищева-Кутузова, Бахметьева, Языкова, Иванова. В 1719 году состоялся такой же по форме «приговор» за подписью тоже целого ряда гвардии штаб- и обер-офицеров (около 16 лиц), и между ними были Ушаков, Дмитриев-Мамонов, Салтыков, кн. П. Голицын, и опять в самом конце подписался Юсупов. Таким образом, кроме постоянной коллегии, стоявшей во главе канцелярии и чинившей приговоры, в некоторых случаях (вероятно, более важных) для слушания дел призывались другие штаб- и обер-офицеры, которые тоже находились «у розыскных дел» и имели свои розыскные канцелярии (как Салтыков, Ушаков; Дмитриев-Мамонов, Волков) или являлись постоянными «ассессорами» какой-либо другой из канцелярий (как Пашков, Языков, Иванов, Голенищев-Кутузов и пр.).

В ноябре 1718 года полковник Кошелев был послан Петром для «нужнейших дел», и на время его отсутствия Петр указал дела его розыскной канцелярии ведать и следовать «лейб-гвардии Преображенского полку господину майору Юсупову». Но участие Юсупова в делах этой канцелярии замечается слабо.

В 1719 году «декабря в 5 день лейб-гвардии майор и Его Царского Величества генерал-адъютант господин Румянцев⁵⁴ объявил, что Царское Величество указал именным своим указом канцелярию, которая была под ведением генерала майора и лейб-гвардии оборшт-вахт-мейстера Михаила Афанасьевича Матюшкина ведать ныне господину бригадиру и лейб-гвардии оборшт-вахт-мейстеру господину князю Юсупову». Но видимо, это заведение продолжалось недолго, ибо уже в сентябре 1720 года идут указы за подписью Матюшкина, хотя имеется и несколько решений за подписью Юсупова и несколько реестров по делам, представленным им царю. 5 февраля 1720 года в Тайную канцелярию было прислано донесение из «канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора господина князя Юсупова», в котором говорится, что дела, которые следовал в Киеве капитан Головкин, «об излишних сборах» и о притеснениях жителей, «именным его царского величества указом приняты в канцелярию нашего ведения». В ноябре 1720 года Макаров письмом требует сведений от князя Юсупова по «канцелярии ведения вашего», а в 1722 году был указ с распоряжением о деньгах, имевшихся по канцелярии Юсупова; упоминание о канцелярии кн. Юсупова встречаем еще в 1723 году.

Количеством дьяков и подьячих канцелярия Юсупова немного отличалась от других розыскных канцелярий: в 1718 году количество приказных людей, в ней бывших, колебалась в пределах 13 – 16 подьячих всех трех статей.

4. Письмом Сенату от 12 декабря 1717 года кн. П. М. Голицын объявляет, что царским указом от 9 декабря того же года за собственноручным подписанием Петра «повелено нам о делах, о которых при оном указе объявлено, следовать и розыскивать», ввиду чего Голицын требует от Сената определить подьячих для этих дел и их «прислать к нам в канцелярию». Существовала ли канцелярия Голицына ранее, этого мы, к сожалению, установить не можем. В реестре врученных ему в то время дел помечены следующие пять лиц, о

⁵³ Иван Иванович Бибииков (ум. 1745) – офицер Преображенского полка с 1703 года; в 1722 году – прокурор Ревизион-коллегии; в 1723 году был назначен обер-прокурором Сената; правитель Малороссии в 1742 – 1745 годах.

⁵⁴ Александр Иванович Румянцев (1680 – 1749) – дипломат и военачальник, адъютант Петра I, граф, генерал-аншеф, астраханский и казанский губернатор в 1735 – 1736 годах, правитель Малороссии в 1738 – 1740 годах.

взятках и превышении власти которых «должен был следовать» Голицын: «1) московский губернатор Нарышкин⁵⁵; 2) вице-губернатор князь Путятин⁵⁶; 3) Александр Кикин⁵⁷; 4) светлейший князь; 5) Яков и Василий Корсаковы⁵⁸». Почти все дело Корсаковых, начатое по донесению фискала Поповцева, дошло до нас; тянулось оно до 1721 года, когда «следование» по нему канцелярии Голицына обрывается. Из сохранившихся материалов видно, что обвиняемые и свидетели по делу допрашивались и давали объяснения обычно в присутствии ассессоров-офицеров канцелярии, которые во главе с Голицыным «по указу великого государя» «приказывали» о дальнейших шагах следствия или, «слушав сей выписки», «приговаривали»; каждое из таких определений канцелярии подписывалось Голицыным и ассессорами.

В апреле 1718 года канцелярия Голицына принимает некоторое участие в следствии по делу царевича Алексея и его сообщников. Мы имеем «определение» Тайной канцелярии с упоминанием поручика Козлова, который назван ассессором голицынской канцелярии.

В 1719 году 15 марта Петр велел передать все дела, ведавшиеся «в розыскной канцелярии, которая под ведением Кошелева... Петру Михайловичу Голицыну»; об этом Кошелев особым письмом извещает Голицына. По реестру передачи видно, что к Голицыну попадали дела по взяткам, кражам казенного имущества и т. п., то есть по третьему пункту указа от 1715 года. Но уже 4 мая того же года Голицын все эти дела передает Матюшкину при следующем письме: «Государь мой Михайла Афанасьевич! Прошедшего марта 24#го дня сего 1719 года полковник господин Кошелев письменно мне предложил, что того ж марта 15#го дня Царское Величество именным своим государевым указом указал: розыскные дела, которые в его ведомстве были для исследования, отдать в канцелярию ведомства нашего; при котором письме тем делам и реестр прислан; а прошедшего апреля 10#го дня Его ж Величество, слушав упомянутого реестра, указал по именному своему государеву указу тем делам в ведении быть у вас, и о чем и вы Его Величества именной указ имеете; и того ради для известия вам оным делам подлинный упомянутый присланный реестр и письмо полковника Кошелева при сем к вам посылаю. Слуга Ваш кн. П. Голицын».

Можно заключить, что канцелярия князя П. М. Голицына ведала, во#первых и преимущественно, – дела «интересные», то есть по третьему пункту, и лишь во#вторых – дела по первым двум пунктам (дело сообщников царевича Алексея) указа от 1715 года. Во главе учреждения стоял, видимо, сам кн. Голицын – с ним переписывается Макаров по делам канцелярии. Кроме Голицына, в канцелярии были «присутствующие гвардии обер-офицеры». У Голицына также были «товарищи», офицеры гвардии, которые присутствовали с ним в канцелярии, были «ассессорами», участвовали в решении дел и иногда даже именовали голицынскую канцелярию – канцелярией своего ведения. Однако личным докладчиком царя был почти исключительно сам Голицын. Он же вел переписку с Петром по делам канцелярии.

⁵⁵ Кирилл Алексеевич Нарышкин (ок. 1670 – 1723) – комнатный стольник Петра I в 1686 году, первый комендант Санкт-Петербурга (1710 – 1716), московский губернатор (1716 – 1719). В 1718 году участвовал в суде над царевичем Алексеем Петровичем и подписал смертный приговор. Дело против Нарышкина возникло в результате его трений с Сенатом, которые в итоге привели к его отставке.

⁵⁶ Степан Иванович Путятин (ум. 1717) – воевода томский (1693), вице-губернатор нижегородский (1714 – 1716).

⁵⁷ Александр Васильевич Кикин (1670 – 1718) – бомбардир потешного полка (1693), денщик Петра I во время Азовского похода (1695). Имел большое влияние на царевича Алексея, помог ему бежать за границу. В феврале 1718 года был арестован и колесован 17 марта по приговору суда.

⁵⁸ Яков Никитич Римский-Корсаков – комендант в Копорье, ландрихтер в Ингерманландии, вице-губернатор в Санкт-Петербурге; приближенный А. Д. Меншикова; за казнокрадство в 1715 году был публично бит кнутом и сослан вместе с братом Василием, бывшим комендантом в Белозерске. Расследование дела о его злоупотреблениях продолжалось до 1720 года.

Сведений о составе приказных людей канцелярии удалось найти мало: в 1718 году в канцелярии числилось три старых подьячих, четыре – средней статьи и пять молодых подьячих, то есть всего двенадцать подьячих.

5. Сведения о канцелярии ведения Михаила Волкова скудны. Можно предположить, что она образовалась тоже в декабре 1717 года.

В сентябре 1720 года на имя Макарова Волков пишет: «Государь мой Алексей Васильевич! В Канцелярии ведения моего обвинен Елизар Петров в пяти тысячах осьмистах рублях; а с оного взято малое число и держан в канцелярии моей за те деньги жестоко, а взять с него нечего»; далее он просит Макарова написать в Камер-коллегию о приеме арестованного заграничного вина у этого Елизара Петрова, поскольку письмам его, Волкова, там не внимают.

Сохранился большой лист с заголовком: «В канцелярии ведения бригадира и лейб-гвардии майора и господина Волкова приказных людей, которые взяты из разных канцелярий и из губерний»; далее идет именной их список. Этот список тоже следует отнести к 1720 году. В это время в канцелярии Волкова было по крайней мере тринадцать приказных людей; канцелярия занималась, видимо, какой-то деятельностью по соблюдению казенных интересов, то есть «розысками против третьего пункта». К сожалению, более подробных известий о ней найти не удалось.

6. Канцелярия майора Сем. Салтыкова начала свое существование, вероятно, в 1717 году; в этом году в канцелярии уже числилось восемнадцать подьячих; тогда же Салтыковым расследовалось дело «по донесению дьяка Чашникова на вице-губернатора Колычева⁵⁹, что во всей Азовской губернии у плательщиков данные им отписи избирает, и о других интересных делах». Дело это Салтыкову было передано из канцелярии Сената по сенатскому приговору. В оставшихся от этого следствия бумагах очень мало видно следов действий самой канцелярии. Всякие ее решения и приговоры, видимо, носили коллегиальный характер и обличались в следующую форму: «...1717 сентября в 12 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... лейб-гвардии майор Салтыков, капитан Панин, капитан-поручик Голенищев-Кутузов, слушав вышеписанного доношения, приказали учинить...» Панин и Голенищев-Кутузов были, очевидно, ассессорами канцелярии. В 1720 году по указу Петра канцелярия Салтыкова препровождает в Ревизион-коллегию все свои дела, «вершенные и невершенные», касающиеся государственного интереса; из реестра видно, что в это время таких дел находилось у Салтыкова в канцелярии более десяти (донесения Нестерова на гр. Апраксина⁶⁰, дело вице-губернатора Колычева, дела по донесению ландрихтера Григорьева и проч.).

Канцелярия Салтыкова упоминается в 1724 году в черновой «промемерии из Канцелярии Тайных Розыскных Дел». В конце промемории написано: «...по Его Императорскому Величеству указу и по определению Канцелярии Тайных Розыскных Дел о господине генерале адмирале графе Апраксине, о Степане Колычеве, что оные брали некоторые из пожитков бывших полковника Перекрестова вещи... и на докладной выписке Его Величество изволил подписать так: выслушать в Сенате, и приговор учиня, прислать для конфирмации к Его Величеству...» Речь идет о расхищении конфискованных имений полковника Перекрестова, в чем принимал участие Апраксин; по-видимому, не был тут безгрешен и светлей-

⁵⁹ Степан Андреевич Колычев (ок. 1660 – 1735) – капитан Семеновского полка (1702), вице-губернатор воронежский и азовский в 1708 – 1717 годах. Дело, начатое против него, не имело последствий. В 1722 году Колычев был назначен главой Герольдмейстерской конторы, затем президентом Юстиц-коллегии. При Екатерине I был генерал-рекетмейстером при Сенате.

⁶⁰ Федор Матвеевич Апраксин (1661 – 1728) – один из создателей русского военного флота, сподвижник Петра I, граф (1708), генерал-адмирал (1708), первый президент Адмиралтейств-коллегии. Командовал русским флотом в Северной войне и Персидском походе (1722). Находился под следствием за злоупотребления в Морском ведомстве.

ший князь Меншиков. По этому делу позже Тайная канцелярия пишет донесение в Сенат, спрашивая «указного решения», ибо дело было уже «исследовано» «в Канцелярии генерала майора Салтыкова» и сделана резолюция царя.

Во главе канцелярии стоял Салтыков, но не один, а, как и в других канцеляриях, «с прочими офицерами». Недостаток сведений, к сожалению, заставляет ограничиться только этими штрихами в обрисовке канцелярии Салтыкова.

Таковы сведения, которые удалось получить о деятельности канцелярий офицеров, имена которых были упомянуты в указах Сената в декабре 1717 года. Есть основание полагать, что, во#первых, в этих указах Петр хотя бы и частными случаями, однако определенно констатирует рождение нового учреждения: ряда однородных канцелярий, устроенных для розыскных дел и находящихся «под ведением» различных близких ему людей – гвардии офицеров; а во#вторых – всякая иная того времени канцелярия «ведения» от гвардии офицеров, не упомянутых в указах 1717 года, и притом занятая розыскными делами, заставляет подозревать в себе учреждение, подобное вышеописанным. Изучение таких, не упомянутых в указах 1717 года, канцелярий дает возможность точно выяснить, насколько верно это предположение. К такому изучению мы теперь и обратимся.

II

1. 25 июля 1713 года Петр дает следующий указ майору князю Волконскому: «...ехать ему к городу Архангельскому и, приехав туда, против данного ему экстракта... розыскать... и, буде дойдет кто до пытки, и пытать; и как розыскан будет, тогда то розыскное дело и тех, которые... виноваты будут, взять с собой привезти к нам в Санкт-Петербург». Волконский едет в Архангельск и ведет порученный ему розыск по «интересному» делу Курбатова с Соловьевым; в этом деле имеем такую запись: «...1715 года февраля... на Вологде в канцелярии розыскных дел от гвардии перед майором князем Михайлом Ивановичем Волконским подъячий Ив. Борисов сказал...» И далее в деле постоянно выражение: «канцелярия розыскных дел». Ясно, что Петр вручил Волконскому важное розыскное дело и, выполняя это поручение. Волконский образовал вокруг себя целую розыскную канцелярию.

Весь этот розыск велся при непосредственном участии царя. Волконский в ряде больших писем доносил, в мелочах, о ходе следствия и на все получал ответы и подробные указания Петра, часто в своеручных его письмах. Но уже в конце 1715 года Петр узнает о преступлениях Волконского по этому розыску, и в январе 1716 года розыск передается полковнику Кошелеву. Таким образом, канцелярия Волконского только начала свою деятельность, только образовалась, как прекратила свое существование.

2. 9 мая 1714 года был дан Петром «указ майору от лейб- гвардии господину Ушакову: розыскивать по челобитной, которую подал нам артиллерии фурьер Семен Кузнецов и для того розыску взять отсель с собою тех, на которых тот извет был, и ежели еще в том деле явятся письма, и тех брать и розыскивать... ежели явятся... дела сим подобные... розыскивать же». Другой документ: «...в прошлом 1715 году по именному Царскому Величеству указу велено по ратушским делам, которые иманы в Санкт-Петербург по донесению фискала Михаила Андреева, следовать в Москве от лейб-гвардии майору Ушакову». А в деле об этом ратушском розыске находим следующую заметку: «...а ко управлению оных дел взять часть приказных людей из ближней канцелярии, о чем на доношении упомянутого фискала подписано собственною Его Царскою Величества рукою». Так, видимо, начала составляться канцелярия при А. И. Ушакове; к 1715 году она уже существовала: в нее был взят тогда один человек.

В 1718 году указом от 19 января повелено «о третьем пункте, о похищении казны, пока Его Царское Величество будет в Москве, подавали б майору от гвардии Ушакову». И

когда «бывшие подьячие доносители Тимофей да Иван Поповы Его Царскому Величеству в Преображенском во время божественной литургии подали донесение, в котором написали о похищении в Нижегородской губернии денежной казны и об утаенных от переписчиков крестьянских дворах и о другом тому же подобном», то их били кнутом и отослали в Преображенский приказ – за то, что подали донос не Ушакову, как по указу следовало, а самому Петру.

До нас дошла тетрадка из нескольких листов писчей бумаги, в заголовке которой стоит следующее: «В канцелярии ведомства генерала майора и лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова выписано», и далее идут в кратком изложении указы, этой канцелярией полученные: здесь много указов по рекрутским делам, затем идут дела по корабельному строению (доставка леса и рабочих, надзор и проч.), которые также входили в компетенцию канцелярии Ушакова. Вот образчик такого указа от 15 июня 1720 года: «На поданное его господина генерала майора донесение, по которому требуется для достройки кораблей с Олонецкого уезду и из других городов плотников 300 человек, велено требовать указа из камор-коллегии». Кроме того, тут же встречаются, например, такие указы, как от 13 сентября 1718 года: «О бытии из царедворцев стольнику Ивану Дурному по прежнему в канцелярии ведомства его господина, генерала майора у дел, и о высылке в Санкт-Петербург для смотра царедворцев же».

Таким образом, и розыски по «интересным» делам, и корабельное строение, и рекрутские наборы, и кое-что из дворцовых дел – все это попадало в канцелярию ведения А. И. Ушакова. В 1724 году Макаров спрашивает Ушакова о количестве денег по его канцеляриям, то есть к этому времени в ведении Ушакова оказывается несколько канцелярий. Если вспомнить, что одна из них называлась «канцелярия рекрутного счета», то можно предположить, что эти канцелярии произошли путем выделения из одной общей канцелярии «ведения» Ушакова путем ее дробления по мере накопления разных поручений. Отметим одно интересное известие: Макаров в письме Ушакову от 4 марта 1721 года пишет: «Ее Величество Государыня Царица Екатерина Алексеевна указала отослать к вам челобитную кн. Андрея Кольцова-Масальского, по которой извольте учинить решение. А ежели вам одному оного решить невозможно, о том извольте предложить всем господам штапным офицерам, выпирав из примеров... ежели, паче чаяния, и в присутствии всех штапных решить того будет немочно, о том извольте доложить Ее Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне». Значит, в приговорах и решениях некоторых поручаемых Ушакову дел участвовали «штапные» офицеры, то есть существовала какая-то коллегиальность. При этом, видимо, деятельность канцелярии Ушакова стояла в непосредственной близости к самому Петру; по крайней мере, в письме, датированном апрелем 1721 года, к Макарову Ушаков, говоря о деле «по канцелярии моего ведения», как он пишет, спрашивает указа царя по поводу крестьян, доносящих на своих господ в укрывательстве рекрутов: «...изволь о сем доложить Его Царскому Величеству, что мне с ними чинить», а в ноябрьском письме 1717 года Макаров пишет Ушакову: «...письма ваши, моего государя, исправно я получил и по оным, о чем принадлежало, Его Царскому Величеству доносил».

Итак, можно предположить, что с 1714 – 1715 годов у Андр. Ив. Ушакова образовалась канцелярия его ведения. Причем первоначально она занята была в основном особенно розыскными делами; но усложнение деятельности Ушакова повело за собой усложнение и в силу этого – раздробление одной канцелярии на несколько.

3. В именном указе Петра от 13 марта 1716 года на имя полковника Кошелева написано: «Понеже во отбытии нашем канцелярия, которая ведения подполковника нашего князя Долгорукова в Санкт-Петербурге никому ведать не приказана, того ради оную канцелярию в небытие его ведай ты; и по которым делам також и по данным пунктам дьяку Воронову надлежит следовать, чтоб он то исполнял без опасения: також и его, дьяка Воронова, в обиду

никому не давать». Значит, в 1716 году в ведении кн. Долгорукова находилась уже канцелярия, поручаемая по его отъезде попечению полковника Кошелева. Около этого же времени мы находим упоминание указа, посланного с сержантом от «Канцелярии ведения генерала кавалера и от гвардии подполковника его сиятельства кн. Василия Володимировича Долгорукова». В делах Кабинета Петра остался такой черновик (или копия): «В канцелярии господина генерала князя Долгорукова... до светлейшего князя касаются»: «о вотчинах светлейшего князя, которые даны ему в Ингрии и потом розданы разночинцам, и которые ему даны взамен оных, и что с них каких денежных доходов в год сходилось», «о ревельских деньгах, что издержаны на покупку хлеба» и о посылке этих денег светлейшему князю; далее перечисляются дела по тяжбам светлейшего князя с частными лицами по его заводам и по поводу беглых людей. Потом идут дела по челобитьям об укрывательстве беглых, о взятках, о грабежах казенного имущества (то есть «против третьего пункта»); далее дело «об отдаче туленину Никите Демидову⁶¹ без оброка сибирских же лесных заводов и о поставке в казну железа дорогою ценою, и о продаже беспошлинно, и о свидетельствовании всех железных заводов»; далее «о позволении торгу всяких чинов людям, кроме купечества, которые торгуют, десятой части денег по пропорции с торгов не платят, отчего купечеству обида, и оный сбор в потеряннии». Потом дела: о подрядах провианта, по фискальским донесениям, «о раздаче питей с каменного мосту безденежно Алексеем Курбатовым».

Таково разнообразие дел, ведавшихся канцелярией Долгорукова. Здесь можно наметить две группы: во#первых, дела «интересные» – имеющие отношение к третьему пункту, и, во#вторых, дела, видимо, случайные (например, о Никите Демидове, по челобитным, жалобы купечества о десятой деньге). Но есть одно указание, что дела по первым двум пунктам не были чужды канцелярии Долгорукова. В делах Тайной канцелярии есть дело о капитане Кзензиане, обвинявшемся в поношении государя непристойными словами, о чем донесли его сослуживцы по полку; за это указом Петра его повелено сослать в Сибирь, а указ этот «приписал Долгорукой»; дело было в 1715 году.

Макаров в 1718 году пишет Долгорукому: «Письма вашего сиятельства все исправно я получил... Что же изволили писать об оставших делах в Вашей канцелярии, о том я Его Царскому Величеству доносил, на что изволил сказать, что о тех делах решение будет тогда, когда Его Величество изволит возвратиться в Санкт-Петербург». Значит, Петр сам непосредственно входил в дела канцелярии.

К сожалению, следов об «ассессорах» или «товарищах» Долгорукова не нашлось. В заключение можно прибавить, что уже в марте 1719 года канцелярии Долгорукова не существовало: в числе подъячих Тайной канцелярии был некто Русинов, взятый «от дел канцелярии князя Василья Долгорукова, которая раскасована». Этим исчерпываются наши сведения об этой канцелярии.

4. В делах Тайной канцелярии сохранились упоминания о «канцелярии ведомства господина Плещеева»: шли сношения с нею по поводу пожитков бывшего ростовского епископа-расстриги; кроме того, в реестре бумаг по делу царевича Алексея записано: «... письмо от господина Плещеева, что за взятые Лопухина пожитки вырученных денег от целовальников в канцелярию его ничего не отдано».

В 1718 году в Тайную канцелярию поступает дело по «донесению» Плещеева из «Канцелярии ведомства моего» (то есть собственно Плещеева); это дело о взятках майора Фуникова при приеме подрядов по обмундированию. Так как часть замешанных в это дело лиц

⁶¹ Никита Демидов (Никита Демидович Антуфьев; 1656 – 1725) – промышленник, основатель династии Демидовых. Поставщик оружия для войска во время Северной войны. С 1718 года – единственный поставщик железа, якорей и пушек для русского флота.

сидела под караулом в Тайной канцелярии, то Плещеев счел нужным передать туда и все дело, у него имеющееся.

В письме на имя дьяка Тайной канцелярии Тимофея Палехина некто Петр (подпись не разобрана) пишет: «...из канцелярии ведомства полковника и от лейб-гвардии капитана поручика господина Плещеева послан был в описной дом, который описан по розыскным тайным делам окольного... Собакина... дьяк Федор Сорокин»; найденные там цифирные письма были отправлены при этом письме Палехину. Это было в июне 1719 года. Таким образом, видно, что в канцелярии Плещеева состоял дьяк.

В 1720 году, в марте месяце, Макаров письмом к Плещееву передает мелкое распоряжение Петра по «интересному делу», бывшему в канцелярии ведения Плещеева – «в канцелярии вашей», как выражается Макаров.

В 1722 году Плещеев просит прислать ему содержащегося в Тайной канцелярии колодника Чюбарова «по обретающемуся в канцелярии ведомства моего раскольному делу». В этом же деле находим следующий указ Сената: «Указ Его Величества Императора и Самодержца всероссийского из Сената в Канцелярию Тайных Розыскных Дел. Июля 10#го дня нынешнего 1722 года в поданном в Сенат доношении герольдмейстера Плещеева написано: по Его Императорскому Величества указу ведал он раскольнические дела, а сего 1722 году мая 10#го дня по именному Императорскому Величеству указу определен он к герольдмейстерским делам, а о приеме у него раскольнических дел из Сената в Св. Прав. Синод ведение послано, и по тем делам колодников и поднесь у него не принято; и между теми делами касается важное дело до стольника Ивана Савельева сына Чюбарова, который содержится в Санкт-Петербурге в Тайной Канцелярии, о котором его Чюбарове деле известен Его Императорское Величество, и указал им Чюбаровым розыскивать, и чтоб оногo Чюбарова дело повелено было принять в Сенат, или отослать в Тайную Канцелярию».

Все вышеизложенные данные о канцелярии ведомства Плещеева позволяют нам установить факт ее существования в период с 1718 до 1722 года, когда она была ликвидирована с назначением Плещеева герольдмейстером. О способах работы и устройстве этой канцелярии мы можем только заключить, что в ней был по крайней мере дьяк. Предметом ведения канцелярии, очевидно, были «розыскные дела»; из них главные – дела раскольничьи; попадались и дела по первым двум пунктам (дело Чюбарова), были и дела по третьему пункту (дело Фуникова).

5. Михаил Афанасьевич Матюшкин в 1697 году в числе других был отправлен за границу для изучения воинского дела. Возвратившись, был в Преображенском полку, где в 1706 году числился уже капитаном; в конце царствования Петра он был уже генерал-лейтенантом, причем в первых и десятых годах XVIII столетия посылался Петром с поручениями по набору рекрутов и по другим воинским делам; например, в марте 1715 года ему приказано было произвести осмотр «протазанов» в Оружейной палате на Москве в целях выяснения их годности. В сенатском архиве хранится под № 27 книга с именными высочайшими указами, озаглавленная так: «Принятые из бывшей канцелярии ведения генерала-лейтенанта Матюшкина именные блаженной и вечно достойной памяти Государя Императора Петра I указы...» В середине этой книги помещен указ: «Канцелярию Розыскных Дел, которая была под ведением полковника лейб-гвардии капитана господина Кошелева и лейб-гвардии обер-офицеров, ведать генерал-майору и лейб-гвардии майору Михаилу Афанасьевичу Матюшкину обще с теми же гвардии обер-офицеры».

Таким образом, в 1719 году Матюшкин ставится по главе канцелярии, которая до этого времени была в ведении Кошелева; причем ассессоры остаются прежние. При этом канцелярия изменила стиль работы: при Кошелеве царю подавался голый следственный материал, просто «выписки» по следствию; теперь же, очевидно, выносилось коллегиальное решение, приговор – «сентенца», и уже этот приговор – результат коллегиального обсуждения –

представлялся на утверждение императору. В силу этого постепенно обычной в канцелярии Матюшкина становится такая форма: «1720 октября в 5 день, по указу великого государя... генерал майор и лейб-гвардии майор Михайло Афанасьевич Матюшкин с присутствующими лейб-гвардии обер-офицеры, слушав вышеписанную ведомость (или “выписку”, или “донесения”) приговорили...» Это изменение окончательно утвердилось, когда прежние обер-офицеры Языков и Иванов были отстранены от дел по доношениям обер-фискала Нестерова («указал Его Величество вместо их быть... в присутствии у тех дел капитану Александру Бредихину⁶², капитану лейтенанту князю Алексею Шаховскому, ундер лейтенанту Алексею Захарину»).

Надо полагать, что по приговорам докладывалось Петру и, вероятно, до этого приговор в исполнение не приводился; это видно из того, что на некоторых мемориях, посланных из канцелярии Матюшкина, писана резолюция собственной рукой царя. Впрочем, иногда Петр, прослушав доклад о деле, предоставлял его оканчивать самой канцелярии; в представленном ему реестре, против некоторых следованием оконченных дел имеется помета царя: «Вершить». Приговоры часто делались и «присутствующими обер-офицерами»; причем иногда ассессоры Иванов и Языков писали письма по делам канцелярии за своею только подписью, употребляя выражение «канцелярия ведения нашего». Тут как будто мелькает указание на существование принципа коллегиальности в управлении канцелярией, хотя и неполно проведенного. Однако эта коллегиальность проявлялась несколько своеобразно: дела иногда могли решаться и единолично Матюшкиным. Макаров в письме от 20 августа 1720 года пишет Матюшкину по поводу одной челобитной: «...ту его челобитную посылаю к вашему превосходительству, по которой извольте учинить решение; а ежели одни вы по тому делу решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штапными офицерами».

С другой стороны, из писем Макарова видно, что коллегиальность могла расширяться произвольно и неопределенно. Мы имеем дело, отлично иллюстрирующее фразу: «... ежели одни вы... решения учинить не можете, то извольте решение о том учинить обще с другими господами штапными офицерами». Генерал Сомов пишет к Матюшкину, что при наказании за дерзости гулящий человек Иван Иванов начал кричать: «Есть за мной государево слово и дело!» Потом, после пытки, он отказался от «слова и дела», но, когда вторично приступили к наказанию его батогами, он опять кричал «слово и дело», после чего Сомов и отправляет его Матюшкину. «Послал, – пишет он, – помянутого Ивана Иванова под караулом до вашего высокоблагородия, и об оном как ваше высочорodie соблаговолит». Затем, уже в канцелярии Матюшкина, «1722 года декабря в 31 день вышеозначенной Бранной слободы тяглец Иван Иванов расспрошан в застенке и пытан в том, что имеет ли он какое за собою государево слово и дело; а в расспросе до пытки сказал, что государева слова и дела никакого он не имеет; а сказал он то государево слово и дело, не стерпя побои». После этого в деле идет приговор: «...за вышеписанные его Ивановы продерзости учинить ему наказание: бить кнутом нещадно, водя по рынкам, и по улицам, и по торгам для того, что он, Иван... сказал государево слово и дело трижды, а никакого не показал, дабы, видя оное наказанье, другим таких продерзостей чинить было неповадно; и учиня ему Ивану то наказанье, освободить его на волю. Петр Толстой⁶³. Михаил Матюшкин».

Как мы видим, «решение» тут Матюшкин один учинить не мог, то есть не осмелился, и постановил «обще» с другим «штапным офицером», по этим делам специалистом – Пет-

⁶² Александр Федорович Бредихин – стольник (1686), офицер Преображенского полка (1705), новгородский (1739) и смоленский (1743) губернатор.

⁶³ Петр Андреевич Толстой (1645 – 1729) – государственный деятель и дипломат, доверенное лицо Петра I, один из руководителей Тайной канцелярии, граф. Принимал деятельное участие в следствии и суде над царевичем Алексеем. При Екатерине I был лишен графского титула и сослан в Соловецкий монастырь, где и умер.

ром Толстым. Нельзя не обратить внимания, что в 1722 году канцелярия Матюшкина уже носит название канцелярии генеральных дел; не значит ли это, что компетенция ее ведения разрослась и туда стали попадать всякие дела (на что указывает термин «генеральный»)?

Последние известия о канцелярии Матюшкина относятся к 1724 году. В реестре, поданном в этом году Петру от канцелярии, против группы дел «не исследованных и к окончанию не приведенных» стоит резолюция Петра: «...отослать в те места, где которому делу быть прилично». На этом книга указов и кончается, что делает возможным предположение, что этим реестром ликвидировалась деятельность канцелярии. Если принять это предположение, то тогда можно ясно очертить хронологические пределы существования канцелярии Матюшкина – с 1719 по 1724 год.

6. В 1719 году Богдану Скорнякову-Писареву был дан указ Петра: «Ехать тебе в Астрахань и там против данных тебе доношений о преступлениях астраханского коменданта» и других начальствующих лиц в Астрахани «розыскать... и которые в свидетелях и прочие, которых сей розыск касается, привези с собой за караулом к нам в Санкт-Петербург». Повинуясь этому указу, Скорняков-Писарев едет в Астрахань и производит там розыск, причем постоянно сносится письмами с Петром через Макарова, пересылая добытые им данные, а Макаров, в свою очередь, постоянно ему отписывает, даже по мелким деталям розыска, что «Его Царское Величество указал»; особенно интенсивно эта переписка идет в июле 1719 года. В результате опись дел по этому розыску занимает объемистую книгу листов в 200, исписанных некрупным почерком.

Главное в этих делах – всякие злоупотребления должностных лиц города Астрахани; но к ним примешиваются и другого рода дела: об изветах, об измене и о «чести Его Царского Величества». Таково дело по изветам солдата Костромитинова, начатое следованием у Скорнякова-Писарева. Оно, дошедшее до нас в целом виде, раскрывает, как именно Скорняков исполнял поручение императора. «1719 году июня в 5 день в канцелярии розыскных дел лейб-гвардии перед господином капитаном Скорняковым-Писаревым» доносителю Костромитинову «дана очная ставка» с обвиняемым им Петром Кресниковым. Костромитинов многих, и между прочими Кресникова, обвинял в говорении слов об измене или «о чести Его Царского Величества». Дело велось обычным путем допросов, очных ставок и пыток; в одном месте дела читаем: «...после того как он, Кирило Костромитинов, выздоровел, привожен в канцелярию господина капитана Скорнякова-Писарева, а при том были бригадиры Карлус Эваницкий⁶⁴, полковник Данило Титов⁶⁵, поручики Михайло Травин, Александр Кожин». Нетрудно заключить, что поручение царя Скорняков выполнял при посредстве «канцелярии от гвардии капитана Скорнякова-Писарева»; что эта канцелярия именовалась и «канцелярией розыскных дел»; что ведала она розыск, в который входили дела «интересные» и отчасти дела «против первых двух пунктов»; что в этой канцелярии были «присутствующие обер- и штаб-офицеры». Интересна дальнейшая ее судьба. Реестр с делами ее попал в Тайную канцелярию, где они были помещены под рубрику «астраханские дела»; здесь и происходило дальнейшее вершение многих из них.

Таким образом, выходит, что канцелярия розыскных дел Богдана Скорнякова-Писарева, выросшая из личного поручения Петра Скорнякову-Писареву, просуществовав в Астрахани, по приезде Скорнякова в Петербург поглощается Канцелярией тайных розыскных дел.

7. В заключение я позволю себе остановиться на одном небольшом известии. В делах Тайной канцелярии сохранилась «опись делу комиссара Василия Филиппова, которое из

⁶⁴ Карл-Густав Иванович Иваницкий (Эваницкий) – в 1696 году под Азовом полковник 6-го Низового полка в отряде генерала Гордона Петра Ивановича; в 1700 году полковник регулярного солдатского полка; в бою под Нарвой в 1700 году был тяжело ранен и попал в шведский плен, из которого освобожден в 1709 году.

⁶⁵ Данила Иванович Титов (ум. после 1742) – стольник, полковник солдатского полка в 1708 году.

канцелярии тайных розыскных дел отдано в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бонбардир капитана поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева⁶⁶ дьяку Осипу Метлину». В этой описи под номером 4 значится: «... великого государя указ: 17 дня 719 года за подписанием тайного действительного советника и кавалера Петра Андреевича Толстого, бригадира и от лейб-гвардии майора Андрея Ивановича Ушакова, по которому велено те подлинные его Филиппова доношения и допрос из Канцелярии Тайных Розыскных Дел для исследования отдать к подлинным о том делам в канцелярию ведомства полковника и от лейб-гвардии бонбардир капитана поручика Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева дьяку Осипу Метлину с роспискою». Таким образом, перед нами еще одна розыскная канцелярия – ведомства Гр. Гр. Скорнякова-Писарева; к сожалению, о ней мы имеем только это одно незначительное известие, из которого, впрочем, видно, что в канцелярии ведомства Скорнякова-Писарева был дьяк Осип Метлин.

8. Также одно только известие, один только намек имеем мы о канцелярии кн. Шаховского. В марте 1723 года Макаров получает от кн. Алексея Шаховского письмо, в котором тот пишет: «... в канцелярию ведения нашего писано, дабы прислать на Генеральный Двор из канцелярии нашего ведения ведомость о наличных деньгах». Из этого известия можно только сделать вывод, что в 1723 году существовала канцелярия ведения кн. Алексея Шаховского.

Вот сведения, которые нам удалось найти по истории ряда отдельных канцелярий, ведавшихся различными офицерами. Едва ли можно отрицать некоторую общность их между собою – как связанных указами 1717 года, так и стоящих от них особняком. Хотя канцелярии и создавались по отдельным поводам и случаям, однако в роде их деятельности, в способах их деятельности, в их компетенции и управлении оказывается много общих черт. Если они не были юридически и практически тождественны между собою, не будучи явлениями единого законодательного замысла, то, выросши в один исторический момент, под влиянием одинаковых исторических условий, в стремлении к достижению однородных насущно нужных результатов, они фактически очень близки друг другу, что чувствовал и сам Петр, во#первых, часть их объединив до известной степени указами 1717 года, а во#вторых, издав еще один указ, касающийся их всех разом, в 1723 году: «Все дела, которые по канцеляриям майорским, разослать куда которое пристойно... сие учинить в будущем январе 1724 г. Петр». Таким образом, в 1724 году Петр решает ликвидировать майорские канцелярии ввиду того, что теперь имеются учреждения, куда уже можно «пристойно» разместить все дела.

⁶⁶ Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (ум. после 1745) – генерал-майор, обер-прокурор Сената (1718), заведовал цифирными школами, директор Морской академии (1719), начальник Охотского порта (1731 – 1740).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.